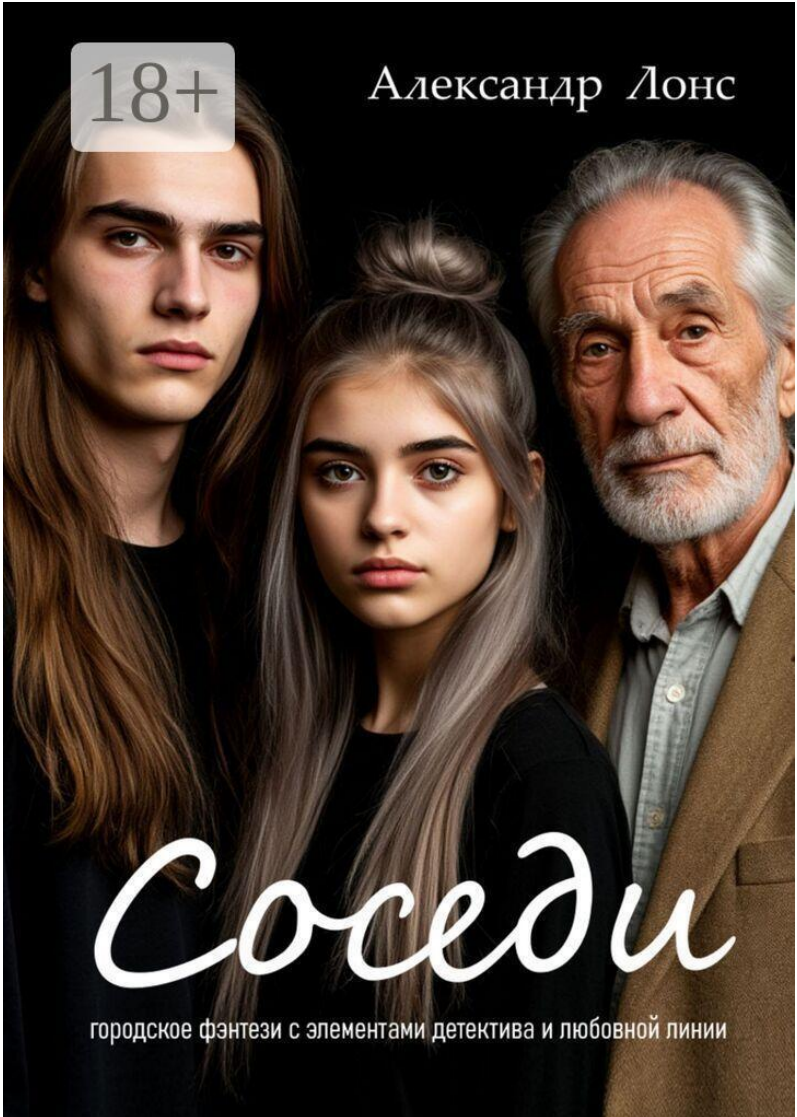
18+
Александр Лонс
Соседи
городское фэнтези с элементами детектива и любовной линии

Александр Лонс
Соседи

https://litres.ru/74900549
ISBN 9785007167291

Аннотация

Писатель Андрей Вяземский переезжает в новостройку по программе реновации, надеясь обрести покой и сосредоточиться на работе. Однако соседи по этажу оказываются не просто людьми — среди них ведун, ведьмы, чернокнижник и колдунья. Андрей, сам того не желая, становится «медиатором» — тем, кто видит за гранью обыденности. Вместе с необычными жильцами дома ему предстоит разобраться в тёмных тайнах новостройки, где за стенами и лифтами скрываются старые проклятия, межмировые двери и незваные гости.

Содержание

Александр Лонс 5
Персонажи 6
Глава 1. Новый дом 7
Глава 2. Соседи 23
Глава 3. Моя биография 47
Глава 4. Двери 60
Глава 5. Запах 81
Глава 6. Семнадцатый этаж 93
Глава 7. Алевтина Васильевна 111
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Соседи

Александр Лонс

© Александр Лонс, 2026

ISBN 978-5-0071-6729-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Лонс
Соседи

— А вы кто?

— Ведьма. А что?

— Ничего. Это у вас профессия такая, или характер тяжёлый?

— Профессия. А характер у меня очень даже симпатичный.

— «Старая, старая сказка»

Художественный фильм

Персонажи

Алевтина Васильевна — очень старая женщина. 114-я квартира.

Александр Иванович Ростопчин (Сан Ваныч) — на вид лет 70. 111-я.

Александра Васильевна Астапова (Баба Саня) — на вид лет 60. 112-я.

Амит Клиффхэнгер — кузнец, на вид лет 30. Иногда приходит.

Андрей Евгеньевич Вяземский — писатель, главный герой. 31 год. 109-я.

Вадим Александрович Берёзкин — участковый майор полиции. 35 лет.

Кирилл Павлович Иокимов (Кирюша) — на вид лет 25. 110-я квартира.

Татьяна Андреевна Бычкова (Танюша) — на вид лет 20. 114-я квартира.

Эльвира Александровна Сафарова (Тётя Эля) — на вид лет 40. 113-я.

Эрмий Зевесович Трисмегист — профессор Университета. Выглядит стариком.

Глава 1. Новый дом

Как-то в дверь позвонили. Я никого не ждал, поэтому и посмотрел в глазок. Там маячил силуэт незнакомого мужика брутальной наружности.

— Вам кого? — спросил я.

— Это участковый. Познакомиться.

С полицией надо поддерживать исключительно положительные отношения. Открыл. На лестничной площадке стоял крупный дядя в форме майора полиции. Со включенной камерой на груди, с портупеей, и планшетом в руке.

— Берёзкин Вадим Александрович. Участковый ваш.

— Здравствуйте. Проходите, товарищ майор. Может, чаю?

— Нет, спасибо. Я познакомится. Вас как зовут?

— Вяземский Андрей Евгеньевич, — представился я. Потом, отвечая на соответствующие вопросы, объяснил, кто такой и чем занимаюсь.

— Писатель, значит? И о чём пишете?

— О разном. Мой заработок — создание текстов, и всё зависит от заказа и договора.

Тема явно не заинтересовала участкового.

— Один живёте?

— Один. Дома работаю.

— С соседями как?

— А что с соседями?

— Ладите?

— Пока не удалось познакомиться. Никого из них даже не видел.

— Ну, что ж. Дом новый. Если возникнут проблемы, обращайтесь.

— А географически вы где находитесь?

Участковый назвал адрес и предложил записать телефончик. Я приготовил смартфон, который из рук не выпускал. Майор продиктовал номер, после чего стал звонить в соседнюю дверь, а я закрыл свою.

Я не стал подглядывать в глазок, но голоса слышал отчетливо.

— Добрый вечер. Ваш участковый. Познакомиться нужно.

— Добрый. Ознакомились уже. — Сухой, картавый голос. — До свидания.

Дверь захлопнулась. Майор что-то негромко, но с чувством высказал в пустоту лестничной клетки. Тем временем участковый обходил соседей. Я слышал, как его тяжелые ботинки прошаркали к четырнадцатой, потом к пятнадцатой. Реакция везде была примерно одинаковой: либо молчание, либо односложные ответы, после которых дверь тут же закрывалась. Кто-то не открыл вовсе.

Когда шаги стихли, я отошел от двери, и я скоро забыл о майоре. Меня в тот момент беспокоили совсем другие ве-

щи. Слишком долгий срок договора, во время которого нельзя дорабатывать свою книгу, маленькое, нечетко оговоренное вознаграждение и полный запрет на использование авторской идеи пока права принадлежат издательству.

А новый дом потихоньку заселялся. На первом этаже жилых помещений не полагалось. Там разместились: аптека, мини-парикмахерская, пункт выдачи заказов, какая-то IT-компания и контора промышленного альпинизма.

На остальных этажах располагалось по шесть квартир. Как переезжали соседи, не видел и не знал. Вообще долго никого из них не встречал. Недавно построенный дом, сам я только въехал, и хватало других забот.

Интересно всё-таки, кто живёт рядом? И почему они словно прячутся? В новостройках обычно все иначе: сначала шум перфораторов, потом очереди к лифту с коробками, потом вечные «здрасьте» на площадке. Здесь же обстояло иначе.

Первая странность случилась в ближайший четверг.

Работа не ждала: висел заказ на цикл статей для одного сетевого журнала, и я насиловал клавиатуру с утра до поздней ночи. Новые соседи оставались для меня абсолютной абстракцией, скрытой за набором цифр на чужих дверях. Где-то ближе к полуночи, когда я дописывал текст про экономическую эффективность логистических хабов (скучнейшая тема, но почему-то хорошо оплачиваемая), за стеной — в той самой сто десятой, откуда прежде не доносилось

ни звука — вдруг что-то зажужжало. Звук был специфический: низкий, вибрирующий, такой издают мощные серверные стойки или что-то очень тяжелое, движущееся с математической точностью. Жужжание длилось ровно минуту. Я засек по времени на телефоне. Потом смолкло. Потом всё повторилось. Потом ещё и ещё…

Я подошел к стене, стукнул кулаком и приложил ухо. Тишина.

— Слышь, сосед, у тебя там что, адронный коллайдер заработал? — спросил я, но, разумеется, ответа не получил.

На следующее утро у лифта впервые увидел кое-кого ещё с нашего этажа. То была девушка. Лет двадцати, с длинными пепельными волосами, собранными в небрежный пучок. Когда лифт пришёл, она встала в углу кабины, сжимая в руках стеклянную банку, до краев наполненную мутноватой желтой жидкостью. Там плавало нечто белесое, бесформенное, напоминающее кусок мокрой ваты или участок грибницы. Чайный гриб, что ли, выращивает?

Я поздоровался. Девушка кивнула, не поднимая глаз. Губы шевелились, но слов я не разобрал — она что-то шептала, обращаясь к банке.

— На первый? — для порядка осведомился я, нажимая кнопку первого.

— Да, — ответила она тихо и вышла на первом этаже сразу за мной.

Когда мы выходили из подъезда, я придержал дверь и ска-

зал: «Осторожно, ступенька». Потом она направилась в аптеку.

Я проводил её взглядом. Стеклянные двери блеснули, поглотив её фигуру. Постоял секунду, ощущая неприятный холодок вдоль позвоночника, и пошел, чтобы купить хлеба и прочей жратвы в магазине напротив. Потом поехал по разным делам и только к вечеру вернутся домой.

На своем этаже застал картину, вынудившую замереть.

Рядом с моей дверью стоял длинноволосый парень. Высокий, тощий, в черной шляпе с широкими полями и долгополом кашемировом пальто чуть ли не до пят, хотя на улице был вполне себе плюс. Меня поразили его пальцы — узкие, слегка узловатые с длинными ногтями. Разве что без маникюра. Резкие черты бледного лица с глубокими тенями под глазами. Взгляд — тяжелый, немигающий. Он держал в руках лестницу-стремянку, но не обычную, а какую-то старую, деревянную, почерневшую от времени. Вблизи стало заметно, что ступени покрывали аккуратно вырезанные руны.

— Добрый вечер, — поздоровался я, чтобы нарушить тишину. — Ваш сосед, из сто девятой.

— Знаю, — ответил он скрипучим голосом. — Вы тот, кто тексты пишет.

— Ну, вообще-то да, — улыбнулся я. — А вы чем занимаетесь?

Он посмотрел на свою лестницу, потом на меня, и выдал такое, от чего улыбка моментально слетела с моего лица:

— Чужие следы нахожу. Вы бы не выходили из квартиры сегодня после полуночи. И в окна бы не смотрели.

Он открыл дверь, за которой вместо обычной прихожей я успел заметить абсолютную черноту, и скрылся. Дверь захлопнулась бесшумно, словно ее и не было.

А я стоял на коврике, тупо глядя на свою дверь.

«Чужие следы нахожу». Следопыт, что ли? Что за чушь? Может, он просто эксцентричный уборщик? Или недоделки строителей ищет? А может, у него своя фирма по клинингу? Но лестница… руны опять же… и эта чернота.

Я запер дверь на все замки. Впервые в этой новой квартире стало не то чтобы страшно, а как-то не по себе. Жутко интересно при этом. Попытался работать, но слова не складывались. В голове вертелась банка с мутной водой, картавый сосед из сто тринадцатой, и сухой скрипучий голос парня с лестницей из сто десятой.

С того дня я и начал вести эти записи. Или, если хотите, роман. Потому что события последующих месяцев заслуживают названия более громкого, чем «Записки сумасшедшего». Сначала я записывал все, чтобы не сойти с ума, потом — чтобы хаос начал обретать структуру. Соседи по этажу сделались частью этой структуры.

Около полуночи я уже пил чай на кухне, когда за стеной, в сто десятой, снова раздалось жужжание. Но теперь оно показалось другим — прерывистым, ритмичным. Оно напоминало не работу серверов, а дыхание очень крупного живого

существа.

Взглянул на часы. Одна минута первого.

Вспомнил предупреждение соседа. Честно говоря, я не из тех, кто верит в россказни странных личностей с лестницами-стремянками. Я писатель. Сам выдумываю миры и знаю, как легко принять желаемое за действительное. Поэтому выключил свет и подошел к окну, чтобы закрыть его на ночь — сентябрьские ночи были уже холодными и сырыми. Выглянул и замер.

Окно выходило во двор, на детскую площадку. Фонарь внизу освещал качели и песочницу. На качелях, медленно раскачивалась та самая девушка с пепельными волосами и смотрела прямо вверх. На мои окна. Банки с мутной водой в руках у нее не было. Сидела она абсолютно неподвижно, качели раскачивались сами.

С такой высоты трудно было что-либо разглядеть, но мне почудилось, что её глаза в свете фонаря выглядели пустыми черными провалами.

Я резко захлопнул створку и повернул все ручки. Ладони дрожали.

В этот момент дыхание за стеной стихло. В наступившей тишине послышалось, как на лестничной клетке, словно по команде, одновременно открылись чуть ли не все двери, кроме моей. И чей-то голос — не механический, а живой, но искаженный — непонятно произнес на весь этаж:

— Первый цикл завершен. Приступайте к фиксации.

Сначала я не пошел спать, а посмотрел в глазок. Там проскользнула чья-то тень. Нет, не тень даже, а что-то более плотное, текучее.

Спал я в ту ночь плохо. А утром, когда вышел на лестницу с мусорным пакетом, обнаружил, что на общей стене у лифта, кто-то нарисовал мелом ровный круг, в центре которого стояла цифры «1» и «7». Стирать не стал — почему-то рука не поднялась. Вместо этого сфотографировал на телефон.

Число «17» — это этаж или квартира?

В тот день нарочно не стал пользоваться лифтом. Прошелся по лестнице, внимательно разглядывая стены. Нигде никаких меловых кругов и надписей больше не обнаружилось. Только пыль, пожарные краны и редкие окурки у мусоропровода.

На площадке семнадцатого этажа я остановился. Там пахло не так, как везде. Не стройкой, не бытовой химией и не свежим ремонтом. Пахло… влажной землей. Мхом после дождя. Постоял, принюхался, и вдруг услышал за дверью одной из квартир тихое, монотонное пение. Похожий на женский голос тянул без слов разные ноты.

Я постучал. Зачем? Сам не знаю. Пение оборвалось. Стало тихо. Постучал еще раз, представился, громко объявил, что живу этажом выше, просто знакомлюсь. Никто не открыл и не ответил.

Поднялся к себе на этаж и застал там соседку — ту самую, с пепельными волосами. Теперь я знал, что она из сто четыр-

надцатой. Банки в руках у нее не было, но взгляд оставался тем же — отстраненным, смотрящим насквозь.

— Вы на качелях вчера вечером сидели, — напомнил я. — Вернее, ночью.

Она моргнула. Первый раз за всё время увидел в её зелёных глазах что-то человеческое — удивление, смешанное со страхом.

— Вы… вы видели?

— Из окна.

Она быстро оглянулась на двери соседей, сделала шаг ко мне и зашептала, почти касаясь губами моего уха:

— Не смотрите на меня ночами. Пожалуйста. И после двенадцати ночи не выходите. Даже если покажется, что кто-то зовет.

— Кто зовет?

— Они. — Она кивнула в сторону лестницы, вниз. — Те, кто на семнадцатом. Они сейчас самые активные. Но скоро…

Дверь сто четырнадцатой открылась изнутри, и оттуда высунулась рука — сухая, в старческой пигментации, с длинными ногтями. Рука схватила девушку за запястье и втянула внутрь. Дверь захлопнулась. Я остался стоять, переваривая услышанное и увиденное. «Те, кто на семнадцатом». Та же цифра, что на стене.

Вечером решил действовать как писатель: систематизировать факты. Открыл ноутбук, создал новый документ и на-

чал выписывать всех, кого знал на этаже:

109 — я. Въехал неделю назад. Ничего странного в себе не замечал, если не считать того, что с некоторых пор началось жужжание за стеной.

110 — парень с лестницей-стремянкой. «Зачищает следы». Предупредил не выходить после полуночи. Но ещё вопрос, живет ли он там. Возможно, приходил по вызову.

111 — картавый голос. Тот, кто захлопнул дверь перед участковым.

112 — неизвестно. Никаких звуков.

113 — неизвестно. Ни разу не видел. Дверь глухая, звуков тоже нет.

114 — красивая девушка с пепельными волосами. Имя неизвестно. Живет, кажется, с пожилой родственницей (та рука). Боится ночи. Просила не смотреть на нее.

Перечитал список и вдруг подумалось, что в любом доме такая картина стала бы поводом срочно переезжать, не дожидаясь конца месяца. Но меня, вопреки здравому смыслу, тянуло разобраться.

Около десяти вечера я вышел на лестницу и просто прислушался. Тихо. Сам не зная для чего, спустился на семнадцатый этаж. Там снова пели. Теперь уже несколько голосов, и пение это было не монотонным, а похожим на перекличку. Они словно отвечали друг другу.

Подошёл к лифту, почему-то работал всего один. Кнопка вызова горела. Кто-то вызвал или уже ехал. Сделал шаг назад, но лифт остановился и двери открылись. Кабина была пуста, зато весь пол мокрый. Ну что за свинство!

Всё-таки вошёл в кабину и поехал вверх. На моём этаже, на полу отчетливо выделялась цепочка отпечатков босых ног, ведущая от лифта к моей двери. Следы маленькие. Не то детские, не то принадлежащие миниатюрной девушке. Они заканчивались прямо у моего коврика, словно тот, кто их оставил, прошел сквозь дверь, не открывая её.

Я медленно поднял глаза. На моей двери кто-то написал число 17 и нарисовал стрелку прямо вниз. Я сжимал в руке телефон, и понимал, что или сейчас позвоню участковому Берёзкину, то он придет, пожмет плечами, сотрет надпись и уйдет. Или я принимаю правила игры, в которую играет весь этаж.

Семнадцатый этаж снова встретил меня запахом влажной земли, который теперь стал резче, гуще. Пение стихло, но послышалось дыхание.

Я подошел к лестничной клетке семнадцатого и заглянул в коридор. Там, вдоль стен, на корточках сидели люди. Их лица скрывались в тени, но все смотрели в пол, водя пальцами по стыкам плиток, словно что-то выискивали.

Один из них, ближайший, медленно поднял голову.

Мальчик. Лет десяти на вид. Он улыбнулся, и в отсвете слабого освещения я увидел, что у него нет зрачков — только

полностью чёрные глаза.

— Дядя, — его голос прозвучал как-то по-взрослому. — А вы из сто девятой?

Я не ответил. Не смог. Горло сдавило.

— Мы вас ждали, — добавил он и встал. — Скажите тем, наверху: пора открывать. Иначе сами откроем.

Кроме глаз, что-то ещё странное оказалось в лице этого ребёнка. Он шагнул ко мне. Я рванул назад, на лестницу, перепрыгивая через ступеньки. Сердце колотилось где-то в горле. Бежал, не останавливаясь, до самого двадцатого этажа, влетел в свою дверь, захлопнул её и запер на все замки.

Только тогда я позволил себе выдохнуть.

За стеной раздался смех. Громкий, раскатистый, мужской.

— Ну и как? Ходил в гости? — спросил голос сквозь стену. — Тебе повезло, что они тебя не схватили. Но раз вернулся с посланием… — голос понизился до шепота, но всё равно разобрал: — Теперь ты с нами. Добро пожаловать, сосед.

Только сейчас понял, что ещё поразило меня в лице того мальчишки. У него во рту не было видно зубов. Я сел прямо на пол и прислонился к стене. На двери, с внутренней стороны, тоже появилось число 17. Но я ничего такого не рисовал.

Отрыл окно. Во дворе никого не было. Свежий воздух сразу оживил квартиру. После чего я принял душ и уснул.

В квартиру эту я переехал далеко не случайно. Однажды

у нашего подъезда на лавочке разговорились пенсионерки. Вдруг одна обратилась ко мне: «Слышь, Андрей. Скорей беги в управу со всеми документами. И не тяни! А то в Капотню переселят». В Капотню не хотелось. Оказалось, наш дом пустили под реновацию. Я, конечно, сразу рванул в управу. Там вежливо приняли, данные переписали и велели ждать.

Всё началось летом, в июне, а приглашение пришло только в начале сентября. Причём для каждого дома имелся свой центр реновации — он располагался прямо в новостройке, недалеко от меня. Прихожу, а мне говорят: «Сейчас покажем вариант. Просто осмотри, соглашаться не заставляем». Показали план этажа. Бабки перед подъездом предупреждали: отказываться можно лишь дважды, но только с обоснованием — например, планировка не нравится, этаж не тот, вид из окна не устраивает. После отказа в течение трёх недель предлагают следующий вариант. Потом ещё один. А четвёртого варианта уже не будет — либо бери, что дают, либо обращайся в суд.

Позже меня убеждали, что программа реновации подбирала жильё так, чтобы устроить всех. Никакого жёсткого правила «только три варианта» на самом деле нет — можно и больше, но каждый отказ нужно убедительно обосновать. Причем к отвергнутому варианту уже не вернуться. Выбирать из списка не разрешали: или соглашаться, или отказываться. И когда мне предложили квартиру на последнем, двадцатом этаже — я, откровенно говоря, расстроился. До этого

жил в пятиэтажке-хрущёвке на четвёртом, и соседи сверху вечно жаловались, что крыша течёт. Я рассчитывал устроиться где-то в серединке, подальше от кровли. А тут — последний двадцатый этаж! Плюс ещё переживал, что рядом с супермаркетом будет шумно и грязно. По крайней мере, тогда так показалось.

Решил не отказываться, а съездить и посмотреть. Сработал первобытный страх — вдруг следующий вариант окажется хуже предыдущего? Всякие нехорошие слухи ходили, ни подтвердить, ни опровергнуть которые не представлялось возможным, и тревоги они добавляли предостаточно. Однако стоило мне зайти в подъезд — все сомнения как рукой сняло. Светло, солнечно, холл застеклённый, тройные двери — от пыли, ветра и лишних граждан. А окончательно я успокоился, когда переступил порог самой квартиры.

Я сразу понял: моё это место. Хочу здесь жить, и никакие другие варианты не нужны. Квартира была полностью готова. Люстры, потолки побелёны, ламинат, плитка в коридоре, ванной и на кухне, плинтусы. Вся сантехника, мойка из нержавейки с тумбой, российская электроплита, счётчики на воду. Везде евророзетки. Газ отсутствовал. Зато имелся интернет — для меня это критично. Все краны для воды вынесли в общий холл: можно перекрыть воду, и не пришлось бы отключать весь подъезд.

Для приёмки квартиры требовалась отдельная процедура с представителем застройщика. Я, как и многие, нанял неко-

его специалиста, и мы вместе ходили, выискивали недостатки, чтобы занести в акт. И тут он реально выручил: заметил трещины оконного блока в двух местах. Почти незаметные трещинки — сам бы точно не увидел. Плюс нашлась ещё пара мелочей, не таких уж серьёзных.

После осмотра сразу хотел заехать и жить. Но застройщик взял месяц на исправление, а в итоге протянул больше сорока дней. Официально — из-за замены окон. На повторную приёмку я уже специалиста не позвал — и очень скоро об этом пожалел. Забыл, где именно были дефекты, подписал акт без претензий. А на поверку, как выяснилось позже, никто ничего не менял — трещины просто замазали. Всё вскрылось, когда пришли клинеры убираться: они и увидели эту замазку. Короче, урок на всю жизнь: никому не верь на слово. А уж застройщику — тем более.

Этот опыт потом очень мне пригодился. Когда подошло время переезда, государство взяло расходы на себя. Требовалось лишь выбрать дату и заполнить анкету со списком вещей.

В ту пору я не верил ни в какую магию. Как любой уважающий себя писатель, верил в слово — в его силу, в его слабость, в его способность врать и исцелять. В крайнем случае, допускал существование хорошей литературы и плохой погоды. Всё остальное было из области преданий или душевных расстройств. Поэтому, когда мне выдали ключи, я испытал только два чувства: глухую усталость от бесконечных

согласований и несмелую радость человека, которому наконец-то перестало капать на голову в хрущёвке.

— Двадцатый этаж, — равнодушно произнесла чиновница, вручая ключи. — Соседи… ну, всякие люди бывают. Вы человек творческий, свыкнетесь.

Тогда я не придал этому значения. Тогда ещё не подозревал, что слова «всякие люди бывают» таили в себе больше смысла, чем весь мой недописанный роман о реалистах-пессимистах. Сам переезд прошёл безупречно. Бригада отработала быстро и слаженно: мебель мою разбирали, упаковывали, обматывали плёнкой, а на новом месте всё собирали обратно. На всё про всё — чуть больше двух часов и две ходки «Газели». Честно говоря, это оказался самый организованный этап всей реновации.

Следующая неделя прошла в судорожном обустройстве в режиме «коробки». Ставил стеллажи, расставлял книги, привыкал к запаху свежей штукатурки и краски. Я разгребал вещи, слушал, как гулко отдается шаг в пустых комнатах, а ночью привыкал к тишине. Точнее, к ее иллюзии. В новостройках своя механика: кажется, что здание дышало. Оно сжималось и расширялось, заставляя дверь в ванную то открываться, то заклиниваться.

Глава 2. Соседи

Культурный шок случился в лифте на другое утро. Я заходил с коробкой книг, а оттуда вышла высокая старуха в цветастом платке и с сумкой, из которой выглядывал живой петух. Старуха посмотрела на меня так, будто читала не только мысли, но и черновики на рабочем столе.

— А, новый, — сказала она без приветствия. — Писатель. Не ври, не отнекивайся. Баба Саня всё видит. — И добавила уже в спину: — Ты бы папоротник себе завёл что ли. Для равновесия.

Я решил, что это местная достопримечательность — комплект «милая сумасшедшая соседка». Такие в каждом доме бывают.

Следующий шок наступил, когда я попытался познакомиться с остальными. Александр Иванович, представившийся «просто Сан Ваныч», жал руку так, что трещали суставы, и говорил загадками: «Ты, главное, по ночам глаза не таращь. Увидишь — не значит, что есть. Не увидишь — не значит, что нет». Вдруг подобревшая Баба Саня принесла пирожков и зачем-то обошла с ними всю квартиру против часовой стрелки. А молодой сосед, представленный мне Бабой Саней как Кирюша, рисовал на лестничной стене мелом символы, в которых я смутно опознал руны с примесью чего-то готического.

— Что? — Кирюша обернулся, пряча мел в карман. В его взгляде была глубина, от которой становилось не по себе. — Ты на семнадцатый не ходи пока. Рано ещё. Там всё заморожено. И вообще, зря тут не околачивайся. Заблудишься.

— У нас всего двадцать этажей, — резонно заметил я. — Где заблужусь?

Кирюша ничего не ответил. Только улыбнулся такой улыбкой, от которой зачесались ладони — верный признак того, что я влезал в сюжет, который описать нельзя, потому что никто не поверит. Полицейскому звонить не стал. Что я ему скажу? Вместо этого открыл свою дверь, зашел в квартиру и огляделся. Всё на месте, ничего не изменилось. Потом вышел на лестницу и, стараясь ступать бесшумно, начал спускаться вниз.

Несмотря на предупреждение, поздно вечером спустился на семнадцатый этаж и подошёл к одной из дверей. Приставил ухо к замочной скважине.

— Имя, — выдохнули оттуда. — Только имя…

Я отшатнулся и провёл ладонью по лицу. «Ну всё, — подумалось тогда. — Либо уже спятил, либо это снится. В любом случае спрошу, не было ли в доме массового отравления грибами».

Сам не помню, как взбежал на свой этаж и спрятался в квартире. Я лёг, укрылся с головой, как в детстве, и заставил себя дышать ровно.

Дом затихал.

Но прежде чем сон окончательно меня забрал, послышалось, как в прихожей кто-то — лёгкий, почти невесомый — коснулся половичка. А потом — шаги. Медленные, босые.

И голос — уже не шёпот, а звонкий, девичий, с лукавинкой:

— А ты и не знаешь, что эту квартиру рекламировали как «с медиатором в подарок». Спи, сосед. Утро вечера мудренее.

Я открыл глаза и успел заметить лишь край синего сарафана, который бесшумно выскользнул в приоткрытую дверь, пахнув мятой, влажной зеленью и чем-то далёким-далёким, как детство.

«Соседка, — подсказал внутренний голос. — Та самая, с пепельными волосами».

Уснул только под утро, когда чья-то машина за окном разогнала черноту на серость. И во сне привиделся фикус, который цвёл на лестничной клетке.

* * *

На другой день я всё-таки собрался поговорить с участковым, и направился в пункт полиции. Время было приемное, и майор Вадим Александрович встретил меня удивительно приветливо, даже по-деловому. Рассказал ему всё, что слышал и видел за последнее время, за исключением сегодняшних ночных приключений. Даже не знаю, почему умолчал о них.

— У меня будет к вам одна просьба. Но для начала, — пояснил он, — познакомлю с вашими соседями. Заочно, разумеется. Это чтобы понимали, с кем дело имеете. Только не удивляйтесь ничему. Идем по квартирам. Сначала — ваша. Потом 110-я. Иокимов Кирилл Павлович, Кирюша, как они к нему обращаются, — молодой чернокнижник. На вид лет 25. Официально — аспирант исторического факультета Университета, ваш сосед через стенку. 111-я квартира: Ростопчин Александр Иванович. Сан Ваныч, как они его между собой называют. Ведун и знахарь. На вид за семьдесят. Официально — пенсионер. 112-я. Астапова Александра Васильевна, Баба Саня, как её меж собой называют, — природная ведьма. Работает с энергиями земли. На вид лет шестьдесят или чуть больше. Официально — на пенсии. 113-я. Сафарова Эльвира Александровна, Тётя Эля как все они её зовут, — городская колдунья. На вид лет 40. Официально — парикмахер-визажист. Её рабочий кабинет, кстати, в том же доме на первом этаже. 114-я. Бычкова Татьяна Андреевна, Танюша, как к ней обращаются, — городская ведьма. На вид лет 20. Официально — дипломированный детский психолог, имеет разрешение на частную практику. Нормальный психолог с нормальным дипломом, с нормальными советами и работающими рекомендациями.

— Они что, по одному в каждой квартире проживают?

— Именно так. По одному. Только Татьяна с бабушкой. В вашей квартире, кстати, собирался поселиться один мут-

ный тип. Тоже, наверное, какой-нибудь колдун или знахарь. Только вот погиб внезапно. По официальному заключению — в автомобильной аварии.

— А как они все между собой связаны?

— Не скажу определённо, но связь есть, это уж точно. Возможно, дальние родственники.

— А на семнадцатом этаже что?

— Ничего. Совсем ничего. По всем данным этаж пока не заселен. При обходе мне никто не отозвался, и никаких следов проживания там не обнаружено. Поэтому будет у меня просьба.

Я ожидал, что участковый скажет что-нибудь вроде «не лезьте не в своё дело» или «выпейте валерьянки». Вместо этого майор Берёзкин отодвинул стул, тяжело сел напротив и положил на стол планшет, который до этого держал в руках.

— У меня будет к вам такая просьба, — снова повторил он. — Только не спешите отказываться. И не торопитесь соглашаться. Сначала выслушайте.

Я кивнул. Горло всё ещё саднило после ночного сквозняка, а в голове перемалывались имена: Сан Ваныч — ведун, Баба Саня — ведьма, Танюша — городская ведьма, Тётя Эля — колдунья, Кирюша — чернокнижник. Я живу в окружении кого? Съёмочной группы «Битвы экстрасенсов»?

— Вадим Александрович, вы сейчас серьёзно? Ведуны, ведьмы… Это у них профессии что ли такие? Или у нас в районе ввели новую графу «вероисповедание»?

Участковый не улыбнулся. Он открыл планшет, что-то сделал и повернул экраном ко мне. Там была таблица — списки жильцов с пометками. Напротив фамилии Ростопчин стояло: «учётная группа 3, категория „ведун“, без ограничений». У Астаповой: «группа 3, „ведьма природная“, поднадзорная». У Бычковой: «группа 2, „ведьма городская“, ограничение: выход в полнолуние». У Сафаровой: «группа 2, „колдунья“, лицензия на магическую деятельность в помещении №6 (парикмахерская)». У Иокимова: «группа 1, „чернокнижник“, особый контроль».

— Это из нашей базы данных, — пояснил Берёзкин. — Федеральная база лиц с паранормальными способностями. Не удивляйтесь, такие учёты существуют с девяностых, просто они закрыты для широкой публики. Я ваш участковый, а по совместительству — куратор именно этого дома. Мне положено знать, кто живёт на моём участке.

— Куратор? То есть вы… э-э-э… тоже?

— Нет-нет, — он сухо усмехнулся. — Я обычный человек. Профессиональный мент. Меня обучили, как с ними работать. Как выявлять нарушения, как пресекать, если кто-то выходит за допустимые рамки. У всех есть свои правила. И свои… обязанности.

Он убрал планшет, посмотрел на меня в упор.

— Теперь о вашей истории. Вернее, о том, что случилось позавчера ночью.

— Вы уже знаете?

— Знаю, что вы спускались на семнадцатый этаж. — Он сообщил это спокойно, будто речь шла о мусоре, что вынес не в тот бак. — Датчики движения на лестнице фиксируют перемещения. Да и камеры тоже. Детские следы на полу видел.

— Почему же вы тогда…

— Не приехал? — закончил он за меня. — А зачем? Пришлось бы оформлять официальное вмешательство. Вызывать группу. А группа — это не резиновые дубинки и не люди в чёрном, которые приезжают с глушилками и ампулами. После их визита никто ни с кем разговаривать не будет. Ни ваши соседи, ни те, кто на семнадцатом.

В его словах звучала странная, не полицейская, а какая-то очень личная заинтересованность. Тогда я подробно и во всех деталях рассказал о ночных эпизодах. Когда замолчал, участковый продолжил.

— Понятно. Хочу предложить такой вариант. Вы писатель. Умеете наблюдать, запоминать детали, выстраивать сюжетные последовательности. Вы уже влезли в эту историю, хотите того или нет. Число на двери — это маркер. Они вас пометили.

— Кто — они?

— Те, кто засел на семнадцатом. Точнее, те, кто там находится. Документально квартиры пустуют. Фактически — там идёт процесс. Не знаю, какой именно, но знаю, что каждые несколько лет в том или ином доме что-то происходит.

Прошлый раз случился пять лет назад, когда только сдали другой дом, на Одесской. Тогда двое погибло. Сейчас — у вас, на семнадцатом этаже. Ваши соседи запечатали этот этаж, но он почему-то открылся.

— И вы хотите, чтобы я стал…

— Чтобы вы стали моими глазами и ушами на двадцатом этаже. — Берёзкин выдохнул, словно сам не верил в то, о чём просил. — Помимо камер и датчиков. Я имею право заходить в квартиры только по официальным поводам и по приглашению самих жильцов этих квартир. Мои полномочия в этом отношении ограничены. А вы — сосед. Вы можете знакомиться, общаться, задавать разные вопросы.

— А если узнают, что я на вас работаю?

— Вы на меня не работаете, — поправил он. — Я ничего вам не плачу́. Вы просто заботитесь о своей безопасности. К тому же… — он сделал паузу, — судя по тому, что вы рассказали, соседи ваши сами начнут знакомиться с вами. Скорее рано чем поздно.

Я вспомнил петуха в сумке, утреннюю тишину за стеной, голос, который сказал «теперь ты с нами». Вспомнил девушку, которая шептала «не смотрите на меня ночью». Вспомнил сухую старческую руку, втянувшую девушку за дверь.

— И что сказать, если спросят, зачем на семнадцатый спускался? — осведомился я.

Берёзкин достал из кармана кителя визитку, протянул мне. На визитке имелся только номер телефона и странный

символ — круг, разделённый на три части.

— Скажете правду. Объясните, что хотели понять, кто оставляет надписи на вашей двери. И что вы не нашли ничего, кроме детей с черными глазами. Этого будет вполне достаточно. Если что-то пойдёт не так — звоните. Не в дежурку, не по 112, а мне лично. Мой мобильный у вас теперь есть. Приеду в течение десяти минут, но только если будет реальная угроза жизни.

Я взял визитку. Бумага показалась тёплой, словно её только что держали у батареи.

— А если предложат присоединиться?

Участковый посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — не то сочувствие, не то предостережение.

— Тогда звоните не раздумывая. Потому что присоединиться к ним — не в кружок по интересам записаться. Это значит перестать быть собой.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Я тоже поднялся.

— И последнее, — заканчивал Берёзкин, когда я уже стоял в дверях. — Тот фигурант, который собирался жить в вашей квартире, не случайно в аварии погиб. Я неофициально это выяснил уже после того, как въехали вы. Его убрали, чтобы место освободить.

— Для кого?

— Для того, кто сможет открыть дверь. — Он похлопал

меня по плечу. — Для вас, наверно. Так что будьте осторожны с соседями.

Я вышел из пункта полиции и отправился на свою улицу. Всё окружающее выглядело обыденно, скучно, по-человечески. Дом блестел свежим фасадом и новыми стеклянными витринами первого этажа. Из парикмахерской доносилась музыка, у подъезда курила компания курьеров.

Тут вдруг подумалось, что как-то незаметно исчез институт бабок перед подъездом. Прежние сведения о них внезапно устарели. Раньше, бывало, проходишь мимо, здороваешься. Они отвечают. А потом обсуждают тебя. Кости перемывают. Но сохранялось какое-то смутное ощущение причастности к некоему жилищному обществу. Сейчас общество исчезло. Бабки, которые живы, по квартирам попрятались, сериалы смотрят, а на лавочке если и сидит кто, то какие-то странные и подозрительные личности.

Я поднял голову. Наш двадцатый этаж отсвечивал синевой тонированных окон. Попытался представить, кто сейчас стоит за этими окнами. Ведун, две ведьмы, колдунья, чернокнижник.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от неизвестного номера.

«Это Кирилл. Приходи сейчас в квартиру 110. Будем знакомиться по-хорошему, пока не поздно».

Я посмотрел на визитку Берёзкина. Потом на экран. Потом снова на дом.

Ответил парой слов: «Щас буду».

Пока шёл через дорогу, ощутил чей-то взгляд. Обернулся — на лавочке, у детской площадки, где обычно играет ребятня, сидела бабулька в платочке. Одна. Она смотрела на меня, медленно крестилась и шевелила губами.

Я отвернулся и вошёл в подъезд. В лифте, пока давил на кнопку двадцатого этажа, заметил, что кнопка семнадцатого светится ровным, постоянным светом. Хотя я и нажимал не на неё. Горела она бледно неярко, не как остальные.

Лифт поехал. На семнадцатом этаже двери вдруг открылись. Я успел увидеть пустую площадку, а на полу, прямо напротив лифта, в прозрачной луже лежала детская туфелька.

Двери закрылись, лифт повёз меня дальше, наверх. Я достал телефон. Удивительно, но здесь была связь! Открыл чат с Кирюшей и написал ещё одно сообщение:

«На этаже есть дети?»

Ответ пришёл секунды через три:

«На нашем — нет. А вот на семнадцатом — полным-полно. Да ты и сам видел».

Я положил телефон в карман. Двери лифта открылись на двадцатом, и первое, что увидел, — дверь сто десятой. Она была открыта, и оттуда тянуло запахом старой бумаги.

— Заходи, сосед, — раздался скрипучий голос из темноты. — Чай остывает.

Я вошёл. Дверь за моей спиной захлопнулась сама по себе, будто крышка прабабушкиного сундука. В коридоре сто

десятой квартиры было темно, но не той темнотой, к которой привыкает глаз, а плотной, почти осязаемой. Секунду я стоял, не двигаясь, пока где-то в глубине не зажёгся огонёк — тусклый, жёлтый, похожий на пламя свечи, отражённое в старом стекле.

— Иди прямо, — раздался голос соседа. Теперь, вблизи, он прозвучал не скрипуче, а скорее устало, с хрипотцой, как у человека, который слишком много времени проводит в пыльных архивах и заработал аллергию на старые документы.

Коридор расширился в комнату, и я остановился, чтобы осмотреться.

Это была мастерская или кабинет — я не сразу нашёл определение. Вдоль стен — стеллажи до потолка забитые книгами в кожаных переплётах, рулонами пожелтевшей бумаги, коробками, какими-то банками. Посередине — тяжёлый дубовый стол, на котором горела настольная лампа с зелёным абажуром, освещая два стакана с чаем, раскрытую тетрадь и старинный бронзовый циркуль, воткнутый в деревянную подставку. В углу стояла та самая стремянка с рунами, которую я уже видел.

Сам хозяин расположился за столом в расстёгнутой у ворота рубашке, поверх которой плотно сидел чёрный жилет. Без пальто он выглядел моложе — лет двадцати пяти, как и говорил Берёзкин, но с такими глубокими тенями под глазами, что казалось, будто он не спал неделю. Русые волосы

были стянуты в неаккуратный хвост, на пальцах — несколько колец с тёмными камнями.

— Садись, — он кивнул на стул напротив. — Чай заварил по-нормальному, не пакетированный. Имбирный, с мёдом. Для храбрости не помешает.

Я сел. Кружка оказалась горячей, почти обжигающей. Сделал глоток — пряный, сладкий, и действительно, по телу разлилось тепло.

— Ты знаешь, кто я, — Кирюша не спрашивал, а утверждал. — Участковый уже просветил, судя по твоему лицу.

— Назвал тебя чернокнижником, — ответил я осторожно.

— А ты не испугался заходить? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривая. — Или не знаешь, что это значит?

— Честно? Всегда думал, что чернокнижники — специалисты, использующие тайные знания и практики, связанные с магией, потусторонними силами или демонами. Что-то из игр, старых сказок, фэнтезийных романов и соответствующих фильмов. А здесь, в новостройке, с чаем и лестницей такое не очень сопрягается с моим мироощущением.

— Это рабочий инструмент, — он кивнул в угол. — Я историк, специализируюсь на дохристианских культах восточных славян, скандинавских и финно-угорских племён. Лестница — артефакт. С её помощью можно подниматься не только по этажам, но и… скажем так, между состояниями мира. Иногда там бывает опасно.

Я отставил кружку.

— Ты поэтому советовал не выходить ночью?

— Поэтому. Но ты всё равно вышел и спустился. — Он смотрел на меня в упор, и в его взгляде не просматривалось осуждения, только усталая констатация факта. — Тебе не приходило в голову, что, может быть, стоило послушать соседа, который живёт в этом доме уже дольше тебя?

— Приходило. Но надписи на двери…

— Надписи — это наименьшие из проблем. — Он перебил меня, и в его голосе впервые прозвучал грубо. — Ты спустился на семнадцатый, увидел детей, поговорил с одним из них. Теперь они помнят, как ты выглядишь, как пахнешь, как звучит твой голос. И главное — знают, что ты из сто девятой. Они поймали тебя.

— А что такого в сто девятой?

Кирюша помолчал. Взял свой стакан, отпил, поставил. На столе между нами циркуль в подставке чуть качнулся, хотя я не заметил ни толчка, ни движения воздуха.

— Квартира номер сто девять на двадцатом этаже, — начал он медленно, — это не просто адрес. Это точка. В этом доме, когда его проектировали, заложили определённую структуру. Двадцать этажей. На первом — нейтральная зона, на последнем — контрольный узел. Шесть квартир на этаже — шесть типов взаимодействия с силами. Ведун, природная ведьма, городская ведьма, колдунья, чернокнижник… и медиатор.

— Медиатор?

— Посредник. Тот, кто не колдует, но может видеть, слышать, запоминать. Тот, кто фиксирует. Чей разум не замутнён знаниями и способен отличать правду от иллюзии. — Он посмотрел на меня почти с сочувствием. — В твоей квартире собирался жить профессиональный медиатор. Нанятый, подготовленный. Он погиб за месяц до начала заселения.

— И я…

— И ты получил эту квартиру, потому что застройщику всегда наплевать на магическую планировку, а центр реновации просто передавал квадратные метры. — Кирюша развёл руками. — Добро пожаловать в российские реалии городского фэнтези, сосед.

Я хотел спросить ещё, но в прихожей раздался звук — не звонок, а короткий, глухой удар, будто кто-то стукнул кулаком в дверь. Кирюша не двинулся с места, только вздохнул.

— Это Сан Ваныч. Раз уж ты пришёл, лучше познакомить тебя со всеми сразу.

Дверь открылась без его участия — просто щёлкнул замок, и в проёме показалась фигура. Ростопчин Александр Иванович, ведун и знахарь, на вид действительно под семьдесят, но двигался он с той плавной осторожностью, которая бывает либо у очень больных людей, либо у тех, кто привык каждое движение соизмерять с последствиями. Седая короткая окладистая борода, светлые, почти бесцветные глаза, старый кожаный фартук с множеством карманов поверх домашнего свитера.

— Здравствуй, — поприветствовал он, просто глядя на меня. — Покажь руки.

Я машинально протянул ладони вперёд. Сан Ваныч подошёл, взял их в свои — сухие, горячие, с мозолями на пальцах — и повернул к свету.

— Не, не колдун, — констатировал он, отпуская. — Даже задатков нет. Чистый.

— Я же говорил, — буркнул Кирюша.

— Говорил. А теперь подтвердилось. — Сан Ваныч сел на свободный стул, оглядел стол, циркуль, меня. — Медиатор, значит. Случайный. Плохо.

— Почему? — удивился я.

— Потому что нанятый хотя бы знал, на что идёт. У него подготовка, подстраховка, контракт. А ты… ты как заяц, который прыгнул в капкан и теперь удивляется, почему вокруг так много охотников.

В комнате повисла тишина. Я слышал, как за стеной что-то упало и разбилось, а следом — приглушённый голос Танюши и резкий окрик пожилой женщины.

— Они уже знают? — удивился я.

— Про то, что ты медиатор? — Кирюша переглянулся с Сан Санычем. — Пока нет. Танюха догадывается, но она напугана. Баба Саня из сто двенадцатой, наверное, уже почуяла, но она наблюдать предпочитает. А вот Тётя Эля из сто тринадцатой…

— Что Тётя Эля?

— Она на первом этаже работает, и очень хочет, чтобы семнадцатый этаж открылся. — Кирюша понизил голос. — Не ради того, что там, а ради того, что откроется потом. Она городская колдунья, для неё любая сила — это ресурс. Она не злая, не добрая, она… прагматичная. Тянет энергию отовсюду, откуда только можно.

— Почему её все зовут Тётя Эля?

— Не знаю, — пожал плечами Кирюша. — Так было всегда. Тебя это сильно беспокоит?

— Да не особо. А ты? — прямо спросил я. — Ты чернокнижник. Ты тоже хочешь, чтобы эта дверь открылась?

Кирюша усмехнулся, и на этот раз в усмешке сквозило что-то горькое.

— Я чернокнижник, сосед, потому что работаю со старыми артефактами, мёртвыми языками и древними книгами. С почерневшими от времени манускриптами и фолиантами. Это не значит, что я хочу выпускать на волю то, что заперли до меня. Наоборот. Я здесь, чтобы не дать этому случиться. Как и Сан Ваныч. Как и Баба Саня. Как Тётя Эля, надеюсь.

— А Танюша?

— Танюша — городская ведьма, — ответил Сан Ваныч. — Не колдунья, а именно ведьма. Надеюсь, ты понимаешь разницу? Она работает с энергиями города. Сейчас да, она напугана и запутана. Её бабка, которая с ней живёт, — та самая старуха, которая втянула её в это дело, — давит на неё. Бабка хочет, чтобы Танюша открыла дверь. Сама она уже не

может — стара, да и сила ушла.

— И что теперь будет?

— Теперь, — Кирюша взял циркуль и начал крутить его в пальцах, отчего металлические ножки мерцали в свете лампы, — теперь у нас есть ты. Случайный медиатор, который уже спустился на семнадцатый и благополучно вернулся. Они тебя заметили. Они будут приходить. Сначала во снах, потом наяву. Будут просить, уговаривать, пугать. В какой-то момент они попросят тебя сделать одну маленькую вещь.

— Какую?

— Открыть дверь, — пояснили они оба почти одновременно.

— Какую дверь?

— В данном случае, в твоей квартире, — пояснил Кирюша. — В сто девятой. Там стена, которая граничит вроде как с шахтой лифта. На самом деле это не шахта. Это канал. И ведёт он на семнадцатый этаж. Не через лестницу, не через лифт, а напрямую. Тот, кто живёт в сто девятой, может открыть этот канал. Или закрыть его.

— Но я не умею ничего открывать или закрывать, — возразил я.

— Пока не умеешь. — Сан Ваныч встал, поправил фартук. — Но если они начнут давить, то и ты научишься. Не по своей воле. Поэтому мы, соседи, будем тебя… учить первыми.

— Учить чему?

— Смотри. — Кирюша поднял циркуль и провёл им по столу. На секунду между ножками повисла тонкая серебряная дуга, а потом сложилась в символ — тот самый, что был на визитке Берёзкина: круг, разделённый на три части.

— Это знак равновесия, — объяснил он. — Три части: верх, низ, середина. Сейчас верх — мы, двадцатый этаж. Низ — они, семнадцатый. Середина — ты. Если ты научишься держать середину, дверь не откроется.

— А если не научусь?

Сан Ваныч посмотрел на меня долгим взглядом.

— Если не научишься, они сами откроют. Через тебя. И тогда в этот дом, а потом и в этот район, и дальше, выйдет то, что десять лет назад еле-еле загнали обратно. А теперь нас тут пятеро, из которых двое — старики, одна — запуганная девчонка, один — книжный червь, и…

Он не договорил. В коридоре снова раздался звук — на этот раз деликатный, звонок в дверь. Кирюша поморщился, глянул на часы.

— Баба Саня. Точно по расписанию.

— Она тоже пришла познакомиться? — поинтересовался я.

— Она пришла на тебя взглянуть, — ответил ведун. — И сказать, что ей от тебя нужно. Ведьмы, они такие — сначала смотрят, потом требуют.

Я обернулся к входной двери. Она снова открылась сама,

и на пороге появилась женщина. Ей действительно можно было дать лет шестьдесят, но в её осанке, в уверенном движении, с которым она сняла платок и повесила его на крючок, виделось что-то нестареющее, почти вечное. В молодости она была очень красивой. Тёмные волосы с проседью, острый подбородок, глаза — тёмные, блестящие, молодые.

— Так вот он какой, — оценила Баба Саня, проходя в комнату и садясь без приглашения. — Случайный медиатор. Писатель. — Она посмотрела на меня, и в её взгляде не виделось ни злобы, ни доброты, только холодное любопытство. Причем слово «писатель» она произнесла не то с презрением, не то с отвращением. — Тебя прямо как того князя зовут.

— Того звали Андрей Иванович, а я совсем даже наоборот Евгеньевич, — буркнул я. С этим сравнением меня доставали как в школе, так и в литинституте. Там даже погремуха у меня была — «Князь».

— Неважно. А расскажи-ка мне, мил человек, что ты видел на семнадцатом этаже. Подробно. Каждую мелочь.

И рассказал. Про детские следы на полу лифта, про тихое пение, про людей на корточках, про беззубого мальчика с черными глазами. Про его слова: «Скажите тем, наверху: пора открывать. Иначе мы сами откроем».

Когда закончил, Баба Саня переглянулась с Сан Ванычем.

— Он говорил «мы сами откроем», — повторила она. — Значит, силы ещё не набрали. Тянут время.

— Или ждут чего-то, — добавил Кирюша.

— Ждут, когда мы сделаем первый шаг. Или когда сделает он. — Баба Саня кивнула пальцем в мою сторону. — Слушай, медиатор. У тебя выбор. Можешь переехать. Сдать квартиру, продать, переселиться в другой район. Отказаться от варианта. Это честно, и никто тебя за него не осудит…

— Может, и осудят, — тихо пробормотал Кирюша.

— …Но зато останешься жив, — продолжила Баба Саня, не обращая на него внимания. — Второй вариант: остаться и попытаться жить, как жил до того. Не вмешиваться, не замечать, не реагировать. Это опаснее. Они будут приходить чаще, и, в конце концов, ты сдашься — либо от страха, либо от бессонницы, либо от одиночества.

— Третий вариант? — спросил я.

— Третий — остаться с нами и научиться быть медиатором. Увидеть, что происходит, и держать равновесие. Тогда у нас появится возможность закрыть семнадцатый этаж до того, как оттуда вылезут не только дети с черными глазами, но и кое-кто пострашнее.

Я посмотрел на троих своих соседей. Ведун, чернокнижник, ведьма. В ламповом свете они выглядели почти обычными уставшими людьми разного возраста, собравшимися на кухне, чтобы обсудить насущные жилищные проблемы.

— А на семнадцатом… что там на самом деле?

Баба Саня вздохнула. Достала из кармана кофты маленький мешочек, развязала его и высыпала на стол горсть чего-то тёмного, похожего на семена.

— Дом построили на месте старого кладбища, — объяснила она. — Не официального, а такого… неучтённого. В семидесятые здесь был пустырь, а до большой войны — окраина. Людей хоронили без крестов, без записей. Когда начали строить, сделали всё по закону — пригласили специалистов, провели обряд очистки, получили все разрешения. Но, видишь ли, — она раздвинула семена пальцем, разделяя их на три кучки, — в таких местах никогда не очищается всё. Остаётся какой-то обломок. Обычно тихий, неопасный. А тут, десять лет назад, кто-то из жильцов ближайшего дома начал с ним работать. Вызывать. Подпитывать.

— Тот самый, который собирался заселиться в мою квартиру?

— Нет, тот явился потом, чтобы исправить. А начал обычный человек. Колдун-самоучка. Дилетант. Он-то и приоткрыл дверь. Не полностью, но достаточно, чтобы проснулось то, что на семнадцатом.

— Пришлось остановить его, — тихо объяснил Кирюша. — Эта способность стоила мне трёх лет жизни и возможности нормально спать по ночам. Он ушёл, а дверь осталась приоткрытой.

— А теперь вы хотите, чтобы я её закрыл?

— Не ты, — поправил Сан Ваныч. — Мы все. Вместе. Но без медиатора мы не можем даже подойти к ней.

Я сидел, смотрел на три кучки семечек на столе и думал, что ровно неделю назад моей главной проблемой был дед-

лайн по статье про логистические хабы. Теперь же решал, стоит ли учиться закрывать магическую дверь, ведущую на бывшее кладбище, где обитают дети с черными глазами.

— Мне интересно, — пояснил я. — Остаюсь.

Баба Саня поджала губы, словно ожидала другого ответа. Кирюша облегчённо выдохнул, а Сан Ваныч просто кивнул.

— Тогда прямо с завтрашнего дня начинаем занятия, — заключил ведун. — Утром, на рассвете, приходишь ко мне. Научу основному — ощущать границы.

— А я, — добавил Кирюша, — научу знаки читать. Те, что они оставляют.

— А я, — Баба Саня встала, забирая мешочек со стола, — буду проверять. И если соврёшь или струсишь, сразу узнаю.

Она направилась к выходу, но на пороге остановилась.

— И вот ещё что, писатель. То, что ты видел на семнадцатом, — это не самое страшное. Самое страшное — это когда они перестанут быть детьми.

Дверь за ней закрылась. Я повернулся к Кирюше.

— Что она имела в виду?

Он покачал головой, не желая объяснять.

— Иди спать, сосед. Завтра вставать рано.

Я вышел в коридор, прошёл к своей двери. Сто девятая. Медиаторская. Моя. На косяке, на внутренней стороне, всё ещё виднелось число 17. Зайдя внутрь, я заперся, обошёл квартиру. В спальне, на подоконнике, лежала детская туфелька. Такая же, или та самая, что я видел на семнадцатом

этаже у лифта.

Я не знал, как она здесь оказалась. Понятия не имел, что с ней теперь делать. Я просто разделся, лег на кровать, глядел на туфельку и ждал, когда наступит утро.

Глава 3. Моя биография

Должен объяснить, почему всё увиденное в новом доме не произвело сокрушительного эффекта на мою психику. Почему я сломя голову не бросился к дверям ближайшего психоневрологического диспансера.

Это сейчас о таких, как я, пишут книги, ставят спектакли и снимают фильмы. Всё это воспринимается как фантастика. Там действительно полно вранья. Наверное, так оно даже и лучше: меньше ненужных вопросов и пустых слов. Нас поразному называют, по-всякому относятся, но это и неважно.

То, что в чём-то отличаюсь от других, мне стало ясно довольно рано, ещё в детстве. Впрочем, в детстве это дело обычное, так бывает у всех, но со мной случилось иначе.

Уверенно помню я себя лет с трёх. В детский сад меня родители не отдавали — наверняка что-то знали или видели. Понимали, что там я не приживусь. Проблемы начались школе. До того были отдельные эпизоды, которые ничего не предвещали. Сначала я считал, что так у всех, и ничего особенного не значит. А потом… потом перестал так думать.

Откуда-то я всегда знал, что за личность рядом со мной, и чего от неё ожидать. Приходилось сталкиваться с теми, кто меня пугал до ужаса. В какой-то момент лицо такого человека, менялось и ненадолго делалось иным. Иногда страшным, но всегда — каким-то другим. Первый раз я увидел та-

кого в большом старинном зеркале, что висело у нас в прихожей. Это был некий посторонний мужик, что собирал подписи для какого-то голосования. А потом стал видеть в городе. Вот молодая девушка только что оживлённо беседовала со своим приятелем. Вдруг черты её лица обострились, рот расширился до невероятных размеров, появлялись огромные зубы и длинный язык, кожа у рта собиралась складками, а глаза увеличились и почернели. При этом парень ничего не замечал. Через пять-шесть секунд, чудовище возвращалось в прежнее состояние и снова оказывалось симпатичной милой девушкой. В другой раз я ехал в переполненном автобусе. Усталый мужчина лет сорока дремал, прислонившись к поручню. Я случайно встретился с ним взглядом, когда он на мгновение открыл глаза. Этого хватило. Его лицо словно пошло трещинами — нет, не как у разбитой статуи, а как у старой куклы, которую неумело реставрировали. Челюсть выдвинулась вперёд, глаза полностью почернели, а изо рта — чёрной, провальной дыры — послышалось низкое, едва уловимое гудение. Не звук, а вибрация, от которой у меня онемели пальцы. А через несколько секунд он просто зевнул, почесал затылок и уставился в окно. Обычный усталый и безобидный человек. Для таких людей я даже особое слово изобрёл — «жизиты». Подобные эпизоды невероятно пугали меня. После подобных встреч я долго приходил в норму и в буквальном смысле слова ощущал себя больным. Порой меня тошнило и выворачивало наизнанку. Если спрашивал

у родителей или приятелей что это значит, разъяснений не получал. «Не выдумывай» — самый частый ответ.

В моем районе жизитов было очень мало. Единицы. Я знал всех. Узнавал ещё издали и под любым предлогом старался избегать столкновений с ними. Переходил на другую сторону улицы, заходил в первый попавшийся магазин, сворачивал в ближайший двор или просто смотрел себе под ноги, когда проходил мимо. Увидеть трансформацию жизита я мог лишь вблизи, не дальше пяти шагов.

Ну а после была стандартная общеобразовательная школа. А куда ж без нее? Вот там-то я и уяснил, что мир намного хуже, чем казался прежде. Это была обычная средняя школа, очень даже неплохая по тогдашним понятиям. Вероятно, меня можно было перевести на домашнее обучение, но об этом никто даже не подумал.

В школе я старался избегать жизитов, но это оказалось невозможным. Они были повсюду: в классе, на переменах, в буфете, даже в учительской. Все они терпеть меня не могли. Были они и среди учителей и среди учеников. Они отлично понимали, что я вижу их насквозь, но редко когда выказывали это понимание. Зато по любому поводу доставали меня. Теперь это называется «буллиг», то есть травля, а тогда не называлось никак. Все школьные годы для меня оказались похожи на ад. После каждого учебного дня я приходил домой весь выжатый. Каждый раз, когда сталкивался с одним из них, внутри разгоралась тревога. Я не знал, как от них за-

щититься, как не стать жертвой их манипуляций. Каких? Я понятия не имел, но был уверен, что они чем-то опасны для меня. Естественно, это не лучшим образом сказывалось на учёбе, я получал то пятерки, то двойки, и лишь в каникулы удавалось расслабиться и спокойно вздохнуть.

Однажды, на уроке биологии, я заметил, как новенькая девочка, сидящая в соседнем ряду, вдруг изменилась. Её лицо стало угловатым, а глаза — бездонными черными ямами. Я замер, не в силах отвести взгляд. В этот момент учительница обратилась к ней, и она мгновенно вернулась в нормальное состояние, будто ничего и не происходило. Холодный пот выступил у меня на лбу. В тот день я решил, что больше не буду молчать.

На следующее утро я собрался с духом и подошёл к своему другу, с которым делился разными проблемами. Рассказал о жизитах. Про то, что видел. Он сначала рассмеялся, но потом, увидев моё серьёзное выражение лица, задумался. «Может, это твоя фантазия? Американских фильмов насмотрелся? Ничего не употреблял? Веществами не балуешься? Слушай, сходил бы ты к врачу, ты меня пугаешь», — посоветовал он. Больше на эту тему мы не разговаривали. Но я знал, что это не фантазия, что жизиты — не плод моего больного воображения. Что их никто не хочет признавать.

Так я и жил, временами наблюдая за этими существами. Старался держаться от них подальше, но уклониться от них не получалось никак. В какой-то момент получилось понять,

что проблемы мои происходят из-за нежелания общаться «со своими» и играть по их правилам. Кстати, трудностей в общении с нормальными детьми и взрослыми никогда у меня не возникало. Я же сразу видел, что передо мной не жизит, и с ним можно спокойно разговаривать и даже дружить.

С каждым днём я всё больше и больше погружался в свои наблюдения и отдалялся ото всех. Начал вести дневник, записывал все случаи, когда жизиты проявляли себя, где и при каких обстоятельствах. Описывал их поведение, их изменения, и вскоре заметил, что действуют они по определённым закономерностям. Они не просто пугали — они управляли окружающими, заставляя делать то, что им нужно.

Вопросов на эту тему я никому больше не задавал. Стал читать медицинскую литературу и пришел к выводу, что у меня какая-то форма психического заболевания и единственное чего смогу добиться, так это бесплатной путёвки в сумасшедший дом. Сначала решил, что болею демонопсией и вижу галлюцинации, при которых пациент ощущает присутствие существ угрожающего или злого характера. В отличие от других типов галлюцинаций, эти должны были иметь культурный и исторический контекст. Одна пациентка, страдавшая от шизофрении, уверяла, что видит темные фигуры, шепчущие ей угрожающие слова. Она описывала их как демонов, которые пытаются вселиться в её тело. На фоне лечения состояние стабилизировалось и галлюцинации исчезли.

Но это был явно не мой случай. Не так всё как-то. Непо-

хоже.

Потом я заподозрил, что у меня редкий баг с восприятием лиц, которые выглядели искажёнными, но при этом я всё равно узнавал этих людей. На экране или бумаге лица смотрелись нормально. О таком хрен заговоришь — вдруг за шизика примут. Точных причин никто не знал, но имелись теории о травмах мозга, эпилепсии, всяком таком. Тоже что-то не то, что было у меня. Ведь я никогда не путал жизитов с обычными людьми.

Жизиты. Это слово стало своеобразным кодом для меня, этаким маркером, который я для себя использовал, чтобы обозначить тех, кто скрывал свою истинную природу. Я наблюдал за ними, изучал их повадки, и с каждым разом понимал — они не просто люди. Это твари, способные на мгновение показать мне свою истинную суть, но затем снова её прятать за маской обыденности.

Вообще-то я неплохо соображал. Учёба давалась легко, и если бы не жизиты, которые постоянно выбивали из колеи, мог бы стать отличником. Но закончил школу только среднестатистическим хорошистом. Мой аттестат пестрил равным числом троек, четверок и пятёрок.

Я продолжил изучать научную и учебную литературу, а также мифы и легенды, читал о существах, которые могли оказаться жизитами. Явно некоторые люди их видели, но считали кто галлюцинациями, кто демонами, кто порождениями зла или вообще не поймёшь кем. А я пытался понять,

как от них защищаться. То, что придётся именно защищаться, в ту пору я не сомневался. Искал ответы в интернете, в книгах, в старых записях, в библиотеках, везде, где только мог. Вскоре удалось наткнуться на описания древних обрядов и ритуалов, что пытались защитить «от тёмных сил». Только что-то не внушали мне доверия эти ритуалы. Они выглядели архаичными и кровавыми, а зачастую — просто смешными.

К выпускному классу школы я отлично понимал: нужен способ противостоять жизитам. Защищать себя от них. Так у меня возникла одна конкретная цель. Я не собирался больше пугаться, а хотел узнать правду об этих существах, кто они такие на самом деле. Как в действительности называются, откуда берутся и кем являются. Как найти способ взаимодействовать с ними. Я уже не сомневался, что они реальны, а не плод моего больного воображения.

Я не считал себя ни психопатом и ни аутистом. Просто я другой. Я старался жить как все. Но довольно быстро надоело притворяться. Уставал от разговоров ни о чем, от фальшивых улыбок, от тостов о счастливой жизни и шуток, над которыми, смеялся только потому, что приходилось. Любая болтовня для меня пуста. Приятнее в одиночестве прогуляться по парку или спокойно посидеть в библиотеке, где не нужно ни с кем взаимодействовать. Работа стала ещё одним способом ухода от реальности. Мой путь — одиночество. Иду своей дорогой в своем собственном ритме одиночества.

Я социальный аутсайдер и по-другому вижу этот мир.

Только потом, много позже, мне помогли осознать, что видеть невидимое — редкий ценный дар, и он может стать хорошей профессией. Примерно в это же время я и понял, что далеко не все жизиты опасны, многие из них вполне дружелюбны и благожелательны. А было так. Как-то раз, когда я сидел в читальном зале Центрального научного книгохранилища, погружённый в старинные манускрипты, ко мне подошёл пожилой сотрудник. Как и положено в данном учреждении, на его лацкане имелся бейдж с именем и должностью, но он оказался так подвернут, что прочитать не представлялось возможным. Про себя я назвал его Библиотекарем. Человек внимательно посмотрел на меня и, словно прочитав мысли, сказал:

— Давно наблюдаю за вами. Вы ищете ответы на вопросы, которые многие предпочли бы оставить без ответов.

Вот тут-то я и заметил, что мой собеседник хоть и оказался жизитом, но от него веяло чем-то близким.

— Что вы имеете в виду? — не понял я.

— Некоторые вещи лучше не знать вообще, — пояснил библиотекарь, — но если уж решились, могу посоветовать кое-что для вас интересное.

С этими словами он положил передо мной толстую книгу в черном переплете, но без каких-либо изображений и надписей на обложке.

— Это относительно старый текст, — пояснил библиоте-

карь. — Он содержит знания и умения, которые могут помочь в ваших поисках. Но будьте осторожны: не все, что вы найдёте здесь, окажется безопасным.

Внутри меня закипало любопытство.

— Я готов, — сказал я, хотя отлично понимал, что это может привести к чему угодно. А может и ни к чему не привести.

Библиотекарь кивнул и пафосно произнёс:

— Изучайте, но помните: некоторые знания — не только сила, но и тяжкий груз. Если что — я всегда здесь в рабочее время.

С этими словами он ушёл, оставив меня наедине с книгой и моими мыслями. Надо сказать, что я ненавижу в себе одну черту характера — ответственность. У нас ведь как: если просто сидишь и ничего не делаешь, то ты — бездельник. Если при этом умно выглядишь, то ты философ. Пока другие забивали болт на всё, я постоянно волновался, чтоб нигде не накосячить, ничего не забыть, всё успеть и никого не подвести. И даже если что-то шло не так, и это была не моя вина, всё равно испытывал сильный стресс и испанским стыд. Смущение, неловкость и даже позор, когда приходилось наблюдать безобразное поведение кого-то другого. Так что я со всей своей обостренной ответственностью взялся за изучение этой книги. На руки её не выдавали, поэтому мне приходилось бывать в читальном зале.

Книга называлась «Аналитическая демонология» и со-

держала несколько разделов и множество глав…

В дневник я записывал каждую встречу с жизитами: место, время, детали их облика. Но вокруг жизитов стало както меньше или я переставал обращать на них внимание. Сначала это помогало отвлечься, но я стал отмечать закономерности. Эти существа чаще появлялись в местах, где люди собирались толпой: в кафе, в торговых центрах, на каких-нибудь собраниях. На стадионах. И всегда в моменты, когда накалялись страсти: азарт, споры, слезы. Всеобщая радость или наоборот. Как будто питались чужими эмоциями.

Однажды в кафе я увидел, как пожилой мужчина в классическом костюме, мирно листал меню и вдруг вытянул шею. Будто змея вылезла из воротника, а глаза затянулись мутной пленкой. Я замер, но в кармане уже нащупал телефон — решил рискнуть. Незаметно направил камеру, нажал запись. Пять секунд, и гражданин снова стал обычным стариком. Дома пересмотрел ролик раз десять. На экране — лишь люди, сидящие за столиками. Но на аудио… там, в момент трансформации, слышался звук. Непонятный, словно скрип веток по стеклу.

Кстати в институте, куда я поступил после школы, жизитов почти не замечалось. Так, парочка. На третьем курсе я женился на спокойной, вяловатой бесцветной девушке из параллельной группы. Не потому что влюбился, и не потому, что между нами вспыхнула какая-то страсть, а просто, чтобы был постоянный сексуальный партнёр. Она, по-моему, отно-

силась ко мне аналогичным образом. Забегая вперёд скажу, что спустя несколько лет, когда нам обоим стало уже совсем невмоготу, мы тихо развелись. Хорошо хоть детей не наделали.

В конце учёбы написал диплом на тему: «Мистика в произведениях русских классиков, как отражение текущей реальности». Защитил без проблем, мне даже предложили поступить в аспирантуру, но почему-то я отказался.

По окончании института получил корочку со странной специальностью: «литературный работник». Вот тут-то меня и встретила повестка из военкомата. На медкомиссии, со стороны обычных врачей претензий не возникло, зато психиатр серьёзно мною заинтересовался. Он оказался жизитом, я увидел это стразу, как только подошёл к его столу. А но понял, что я это понял. В результате он записал какой-то диагноз и направил меня на две недели в соответствующую клинику для утверждения своего заключения.

По рассказам других я знал, что в таких больницах лучше ни с кем особо не разговаривать, поэтому запасся несколькими толстыми книгами, которые ещё не читал. Внезапно в одном из пациентов я узнал знакомого. Встретил того самого библиотекаря, что рекомендовал мне «Аналитическую демонологию». Но как он изменился! Здесь он ни на что не реагировал, только сидел или лежал, а когда его уводили на процедуры, он безропотно следовал за санитаром неестественной семенящей походкой.

Полной неожиданностью стало появление в клинике того психиатра, что направил меня сюда. Именно с его подачи мне и прописали ЭСТ. Электросудорожную терапию. Потом я узнал, что это крайний метод, если другие неэффективны или противопоказаны. Решение принимает врач после тщательного обследования. По слухам, врачи должны получить письменное согласие пациента за день до проведения первого сеанса. Только вот в моем случае почему-то обошлись без этого. В клинике вообще многие удивлялись, с чего бы мне прописали такое зверское лечение: обычно подобные назначения делали в других случаях.

Считается, что во время ЭСТ пациент не должен ощущать боли и практически не испытывает неприятностей из-за наркоза. Тут важно слово «практически». В моём случае первый сеанс оказался весьма неприятным. Правда, меня не тошнило, что у других бывало довольно часто. Зато сразу после пробуждения я был немного возбуждён, что считалось нормальным. Ныла челюсть, и болело сенанса

сё тело, но головных болей почти не ощущалось. Никаких других изменений в себе я не заметил, и потери памяти, как у Хемингуэя, вроде как не произошло. Если проблемы и возникли, то незначительные и малозаметные. Это не относилось ко всем, но я отреагировал относительно хорошо. Потом было еще две процедуры, после чего меня выписали.

Зато я перестал видеть жизитов. Тот врач-жизит, что при-

цепился ко мне в военкомате, теперь с любого расстояния и ракурса смотрелся приятным лысым дяденькой с добрыми внимательными глазами за очками без оправы. Отныне жизиты перестали для меня существовать. Кроме того, в армию меня больше не призывали.

Я тогда опрометчиво решил, что с умением видеть невидимое, у меня покончено. Я сжёг свой дневник и зажил спокойной жизнью. В это же время мой отец получил контракт за границей, и оба родителя уехали. Я остался. Ехать с ними отказался категорически. Тем более, что раньше унаследовал бабушкину двушку в пятиэтажке и научился вполне самостоятельно выживать. А что бы я делал в чужой стране, без хорошего языка и востребованной специальности?

Пришлось стать фрилансером и работать на удалёнке. Это позволяло оплачивать счета, покупать продукты, понравившиеся шмотки и предметы обихода, а также назначать свидания девушкам. Ну и кое-что оставалось на летний отпуск. Так длилось до тех пор, пока наш дом не поставили на реновацию.

Глава 4. Двери

Утро следующего дня я проспал. Вместо рассвета, как договаривались с Сан Ванычем, проснулся в половине десятого. Телефон мигал пропущенными: от Кирюши три звонка и одно сообщение: «Сан Ваныч не любит, когда опаздывают. Иди сразу, кофе бери с собой, задобришь».

Я наскоро умылся, надел первое, что попалось под руку, и, уже выходя, вспомнил про туфельку. Подоконник оказался чист. Я потрогал пластик — сухой, холодный. Может, приснилось? Но мокрое пятно исчезло не до конца: на белом подоконнике виднелся едва заметный серый круг, будто от стакана, который долго стоял на одном месте. Впрочем, такое могло остаться и от моей кружки. Иногда я ставил её на подоконник.

На лестнице было тихо. Дверь Танюши плотно закрыта, из-за сто одиннадцатой не доносилось ни звука. А вот дверь сто двенадцатой, которую раньше никогда не видел открытой, сейчас была приоткрыта, чтобы разглядеть щель. Из щели тянуло запахом сушёных трав и — едва уловимо — чем-то сладковатым, пряным, будто от перезрелых фруктов.

Я прошёл туда-сюда, стараясь не шуметь, и постучал в сто десятую. Кирюша открыл сразу, будто стоял за дверью.

— Опоздал, — беззлобно констатировал он. — Сан Ваныч уже заканчивает утренний обход.

— Какой обход?

— Проверяет границы. Каждое утро обходит, смотрит, не появилось ли новых трещин, не ослабла ли защита. — Кирюша пропустил меня внутрь. В прихожей теперь горел свет, и я разглядел, что стены сплошь покрыты мелкими значками, похожими на те, что были на лестнице. Не то руны, не то что-то другое, более сложное. — Пойдём, он уже в общей.

— В общей? Как это?

— Увидишь. У него там что-то вроде мастерской. Раньше была ещё лоджия, но он объединил с комнатой, для работы естественный свет нужен.

Мы прошли в квартиру Сан Ваныча — она оказалась зеркальным отражением моей, но неузнаваемо преображённой. Вместо стен — стеллажи с банками, пучками трав, какими-то камнями, коробками, помеченными непонятными символами. Вместо ламината — старый паркет, местами выскобленный до светлой древесины, местами покрытый пятнами, которые не хотелось рассматривать. В воздухе висели запахи: мята, полынь, что-то смолистое и едва уловимая нота горечи.

Сан Ваныч стоял у окна, которое выходило на противоположную сторону от моего, и смотрел вниз. На плечевом ремешке у него висел какой-то странный прибор из стекла и бронзы, похожий на очень старый теодолит.

— Опаздываешь, — заметил он и даже не обернулся. — У тебя была плохая ночь?

— Просто проспал.

— Не просто. — Он повернулся. Глаза его были уставшими, под ними залегли тени, но голос звучал ровно. — Ты спал очень глубоко, но беспокойно. Что-то приходило к тебе. Были колебания около четырёх утра.

Я помолчал и не спросил, что за колебания. Вспомнил, что после разговора с ними лёг, но заснул не сразу. А когда заснул — не помнил снов. Вообще. Это странно, потому что обычно сны вижу и запоминаю.

— Ничего не помню, — признался я. — Разве что детская туфелька на подоконнике…

И я рассказал про туфельку. Не знаю, почему.

— Это плохо, — покачал головой Сан Ваныч. — Медиатор должен понимать происходящее и помнить сны. В них приходит самое важное. — Он снял с плеча конструкцию, аккуратно поставил её на подоконник. — Ладно, начнём с азов. Кирюша, будешь записывать?

— Как обычно, — кивнул чернокнижник, доставая из внутреннего кармана жилета блокнот и огрызок карандаша. Блокнот был исписан мелким, убористым почерком, а на полях стояли красные пометки.

— Садись, — Сан Ваныч указал на табурет посередине комнаты. — Сначала проверим, насколько ты открыт.

Я сел. Табурет оказался неудобным, с маленьким круглым сиденьем и тремя ножками, одна из которых была чуть короче других, так что меня слегка кренило влево.

— Не пытайся удерживать равновесие, — скомандовал ведун. — Дай телу принять положение, которое оно примет. Это первое правило: не сопротивляться тому, что естественно. Медиатор — не боец, он проводник. Если будешь бороться с потоком, утонешь.

Я ничего не понял, но расслабился, позволив себе наклониться. Неожиданно стало удобно — тело само нашло точку, в которой напряжение ушло.

— Хорошо, — кивнул Сан Ваныч. — Теперь закрой глаза. Не думай ни о чём. Просто слушай.

Я закрыл. Сначала ничего не происходило — только звуки улицы и дома: где-то внизу хлопнула дверь, зашумел лифт, проехала машина. Потом начал различать больше. Водопроводные трубы гудели где-то глубоко в стенах. В соседней квартире кто-то ходил, и шаги были неровные: два быстрых, потом пауза, потом один медленный.

— Слышишь что-нибудь? — спросил Сан Ваныч.

— Танюша ходит, — слышал я. — И ещё кто-то. Пожилой, наверное.

— Бабка. Она всегда дома. Дальше.

Я прислушался. Теперь звуки стали странными. Под гулом труб, под шагами, под редкими сигналами машин внизу появился ещё один слой. Он показался похожим на очень далёкий, почти неразличимый шум прибоя — ровный, непрерывный, не подъем и спад, а словно бы дышащий. И в этом дыхании мне почудились голоса.

— Слышу… — начал я и запнулся. — Как будто кто-то говорит. Но слов не разобрать.

— Откуда?

Я попытался определить направление. Шум прибоя шёл не со стороны улицы, не из квартир соседей. Он шёл снизу. Из-под пола.

— Снизу. С какого-то более низкого этажа.

— Не с этажа, из-под земли, — голос Сан Ваныча стал тише. — Это фон. То, на чём стоит дом. Старое кладбище, старые сны, старые голоса. Они всегда были здесь, просто обычно люди не слышат их. А ты слышишь. Значит, открываешься быстрее, чем я думал.

Я открыл глаза. Комната показалась мне не такой, как прежде: цвета стали насыщеннее, тени глубже, а в углах, на стыке стен и потолка, висело что-то вроде лёгкой дымки.

— Это нормально? — я кивнул на углы.

Кирюша, до этого молчавший, присвистнул.

— Сан Ваныч, он эманации видит. На первом занятии.

— Сам знаю, — ведун подошёл ко мне, взял за подбородок, поворачивая голову то влево, то вправо. — Зрачки расширены, но реакция на свет сохранена. Глазное дно чистое. Не спонтанное открытие, просто быстрая адаптация. — Он отпустил меня. — Это может быть признаком того, что тебя уже начали… готовить.

— К чему готовить? Кто?

— Они, — Сан Ваныч кивнул вниз. — Те, кто на сем-

надцатом заметили медиатора. И хотят, чтобы ты видел как можно больше. Для них ты — окно в наш мир.

— И что делать?

— Учиться закрываться. — Ведун подошёл к стеллажу, взял небольшую стеклянную банку, внутри которой что-то тускло поблёскивало. — Первое, что ты должен освоить — это умение создавать границу. Собственную. Чтобы они не могли заходить в твои сны, не могли влиять на твоё восприятие. Сейчас ты как дом без дверей. Любой может войти.

Он открыл банку. Оттуда пахнуло холодом и — странно — свежестью, будто после грозы. Внутри лежал небольшой камень, серый, с прожилками, которые слабо светились.

— Это кусок породы с того места, где стояла часовня до революции, — пояснил Сан Ваныч. — Часовню снесли, а камень остался. В нём — память о границе и о том, что закрыто. Подержи.

Я взял камень. Он оказался холоднее, чем ожидалось, и тяжёлее. Непропорционально тяжёлый для своего размера. Прожилки под моими пальцами нагрелись и стали светиться ярче.

— Теперь снова закрой глаза, — велел мне ведун. — Представь, что этот камень — твоя дверь. Ты держишь её в руках. Ты можешь её открыть и закрыть. Сделай так, чтобы она закрылась.

Сосредоточился. Камень в ладони пульсировал, и эту пульсацию я ощущал всем телом, как второе сердце, более

тяжелое и медленное. Я представил дверь — обычную деревянную дверь, как в моей квартире. Она была открыта, и за ней темнота. Потянулся к ней мысленно, чтобы захлопнуть.

В этот момент камень в руке дёрнулся, а я на секунду увидел не комнату Сан Ваныча, а что-то другое: длинный коридор, выложенный белой плиткой, идущий куда-то вниз, под уклон. В конце коридора стоял мальчик. Тот самый, с черными глазами.

— Не смотри, — резко приказал Сан Ваныч, и его рука накрыла мою, сжимая камень. — Закрывай. Не смотри на него.

Я с усилием, словно физически преодолевая сопротивление, представил, как дверь захлопывается. Визуализация давалась тяжело — что-то сопротивлялось, мешало, какая-то сила, тянущая створку обратно. Я сжал камень, вдавил его в ладонь, и в последний момент, уже когда дверь почти закрылась, услышал голос мальчика:

— Мы всё равно войдём, дядя. Вы же сами открываетесь.

Дверь захлопнулась. Видение исчезло. Я открыл глаза и понял, что вспотел, а руки трясутся. Камень в ладони потускнел, прожилки больше не светились.

— Видел? — спросил Кирюша.

— Да. И слышал. Тот же мальчишка сказал: «Мы всё равно войдём».

— Он уже приходил к тебе в видении, — произнес Сан Ваныч, после чего забирал камень и убрал в банку. — Зна-

чит, установил связь. Быстрее, чем я предполагал. Придётся ускорить.

— Что мне делать?

— Сейчас — отдыхай. Ты потратил много сил. — Ведун кивнул Кирюше. — Проводи его. И скажи Бабе Сане, что занятия переносятся на вечер. Нужно всем вместе собраться.

— Она не придёт, — буркнул Кирюша. — У неё свои дела.

— Придёт. Скажи, что речь пойдёт о мальчике, который разговаривает.

Мы вышли от Сан Ваныча. Было тихо, но теперь я замечал то, чего не видел раньше: на стенах, под слоем свежей краски, проступали едва заметные линии. Они складывались в узоры, похожие на те, что были у Кирюши в прихожей, но более сложные, переплетённые.

— Защита этажа, — пояснил Кирюша, перехватив мой взгляд. — Сан Ваныч нанёс при заселении. Каждое утро проверяет, нет ли разрывов.

— А почему тогда меня не защитило?

— Потому что защита держит внешнее. А ты — внутренний. Ты здесь живёшь, ты часть этажа. Для защиты ты сам должен научиться закрываться.

— А как же всякие уборщики и чиновники от застройщика, которые квартиру мне показывали?

— Они тоже не считаются. Ты что-то много стал вопросов задавать. — Кирюша помолчал. — Ты как хочешь, чай или что покрепче? У меня коньяк ещё остался, старый француз-

ский, настоящий.

— Чай. После такого не до коньяка.

— Понимаю. Значит — чай с коньяком. — Кирюша открыл свою дверь. — Заходи, я быстро. Только планшет возьму, надо кое-что проверить.

Я зашёл. В квартире чернокнижника теперь горел свет, и выглядела она иначе, чем вчера. Оказалось, что это не мастерская, а, скорее, архив. Стеллажи с книгами были повсюду, даже на кухне. На кухонном столе лежала раскрытая карта — не обычная, а старая, дореволюционная, с карандашными пометками. Подошёл ближе. На карте изображался наш район, но вместо кварталов новостроек — пустыри, овраги, и маленький значок в том месте, где сейчас наш дом. Значок напоминал крест, но не православный, а равносторонний, с расширяющимися концами.

— Это старый план, 1912 года, — объяснил Кирюша уже с планшетом в руке. — Здесь располагалось имение, потом его снесли, а на месте сада устроили кладбище. Неофициальное. Для тех, кого не отпевали.

— Самоубийц?

— Не только. Безымянных. Некрещёных. Расстрелянных. Тех, о ком некому позаботиться. — Он сел за стол, открыл планшет. — В тридцатые годы кладбище сравняли с землёй, построили бараки. Потом бараки снесли, долго оставался пустырь.

— И никто не знал?

— Знали. Экспертизу проводили, обряды. Всё по закону. Но, — Кирюша повернул планшет ко мне, — есть нюанс. Смотри.

На экране была фотография из какого-то фотоархива. На ней люди в рабочих робах стояли на фоне котлована. В центре — мужчина в гражданском костюме, с папкой. На заднем плане — экскаватор и груда земли.

— Это самое начало строительства. Мужчина в центре — прораб. Его звали Николай Селиванов. Он руководил работами на нулевом цикле. — Кирюша увеличил фрагмент. — Видишь, что у него в руке?

Я присмотрелся. Прораб держал папку, но папка была странной — не пластиковой или картонной, а обтянутой чем-то тёмным, с застёжкой.

— Похоже на старую кожу.

— Не на кожу, — поправил Кирюша. — На замшу. Оленью. Селиванов не просто прорабом работал. Он был… как бы это объяснить… проводником. В хорошем смысле. Он следил за тем, чтобы строительство не разрушало равновесия. Специально обученный человек. Он закладывал в фундаменты домов систему, которая должна была удерживать то, что сейчас пробудилось на семнадцатом.

— Систему чего?

— Каналы, символы, перераспределение нагрузок. Это никакая не магия, скорее, инженерные знания. Он работал в паре с архитектором, который понимал, что делает. — Ки-

рюша переключил фотографию. На ней уже имелся готовый дом — наш дом, только без отделки, с голыми стенами. — А потом Селиванов исчез. За год до сдачи дома.

— Как исчез?

— Пропал. Вышел из дома, сел в машину и уехал. Больше никто его не видел. Официально — пропал без вести. Неофициально — разное говорят. Кто-то считает, что он ушёл вниз, в ту самую систему, чтобы её удерживать. Кто-то — что его убрали те, кто хотел открыть то, что открывать не следует.

— А что стало с архитектором?

— Архитектор умер через полгода после исчезновения Селиванова. Инфаркт. Внезапно. — Кирюша убрал планшет. — Так что система осталась без смотрителя. И произошло то, о чём ты уже знаешь. Колдун-самоучка начал экспериментировать. Он нашёл способ открыть канал, и система дала трещину. Мне пришлось его… остановить.

Он произнёс это «остановить» так, что мне не захотелось уточнять, что именно он имел в виду.

— Теперь, — продолжил Кирюша, — трещина расширяется. И если мы её не закроем, система рухнет. А тогда — тогда всё, что накопилось за эти годы, вылезет наружу. Не только дети с черными глазами.

— А ещё кто?

— Даже не знаю точно. — Он встал, подошёл к окну. За стеклом виднелся двор, детская площадка, те самые каче-

ли. — Но в старых записях Селиванова есть фраза: «Там не мёртвые, а те, кто забыл, что они мёртвые. Если вспомнят — станут как бы живыми. И тогда уж неважно, где ты живёшь».

Я хотел спросить ещё, но в дверь позвонили. Три коротких, один длинный.

— Тётя Эля, — Кирюша, не двигался. — Идёт знакомиться. Держись спокойно. Она не враг, но у неё свои интересы. Коньяк, кстати, закончился.

Он пошёл открывать, а я остался разглядывать карту 1912 года. На ней, в том месте, где сейчас стоял наш дом, стоял значок креста, обведённый красным, а рядом дата, выведенная аккуратным старомодным почерком: «17 октября 1912».

Семнадцатое число. Семнадцатый этаж. Совпадение?

В прихожей раздался женский голос — низкий, с хрипотцой, в котором слышалась профессиональная привычка говорить громко, чтобы перекрывать шум:

— Ну и где? Показывай своего медиатора. Говорят, талантливый. Посмотрим, насколько.

Я вышел в коридор. На пороге, сдвинув на затылок солнцезащитные очки, стояла очень красивая светлая блондинка лет сорока— сорока пяти, в чёрном комбинезоне и белой водолазке с горлышком, с идеальным маникюром и короткой стрижкой «под мальчика». На шее — несколько цепочек разной длины, на запястье — часы с огромным циферблатом. От неё пахло дорогой парфюмерией и — едва уловимо — чем-то металлическим. Она вся такая ухоженная, что трудно

было понять, сколько ей лет.

— Хорошего дня, — поздоровался я. — Я из сто девятой.

— Знаю, — она прошла в комнату, не дожидаясь приглашения, оглядела стол с картой, Кирюшины стеллажи с книгами. — Писатель, да? Словесник. Это хорошо. Слова — это тоже инструмент. — Она повернулась ко мне, и я увидел её глаза — серые, острые, с пристальным, оценивающим взглядом. — Меня зовут Эльвира. Я твоя соседка. У меня на первом этаже кабинет. Если надо будет качественно подстричься — приходи, сделаю скидку.

— Благодарю, — ответил я, не зная, что ещё сказать.

— Потом благодарить будешь, сейчас не об этом. — Она села на стул, который ещё недавно занимал я, и закинула ногу на ногу, из-за чего юбка взъехала вверх. — Кирюша, налей-ка мне тоже чаю. И не делай такое лицо, я не воевать пришла. Я хочу предложить.

— Что предложить? — Кирилл поставил перед ней кружку.

— Сделку. — Эльвира взяла кружку, отпила маленький глоток, поморщилась. — Имбиря маловато. — Она поставила кружку и посмотрела на меня. — Слушай, медиатор. Сан Ваныч будет учить тебя закрываться. Баба Саня — проверять. Кирюша — читать знаки. Всё правильно. Но они не покажут тебе самого главного.

— Чего?

— Они не скажут, что закрыть семнадцатый этаж полно-

стью невозможно. Можно только… отложить. Отсрочить. И каждый раз, когда будешь это делать, будешь отдавать часть себя. Сан Ваныч уже отдал. Кирюша — тем более. Баба Саня — она умная, она не лезет, но и ей досталось. А ты — ты случайный. У тебя нет должной подготовки, нет защиты, нет контракта. Ты просто человек, который получил квартиру в неправильном месте.

— К чему вы клоните? — не понял я.

— А к тому, что есть другой путь. — Она наклонилась ближе. — Не закрывать, а трансформировать. Перевести энергию семнадцатого этажа в другое русло. Чтобы она работала на дом, на жильцов, а не против них. Тогда не нужно будет жертв. Тогда можно будет жить спокойно.

— Это опасно, — резко отметил Кирюша. — Ты же знаешь, что опасно.

— Всё опасно, Кирюша. Даже чай с имбирем, если неправильно его заваривать. — Эльвира не сводила с меня глаз. — Я не прошу решать сейчас. Я прошу тебя подумать. Поговори с каждым из них, послушай их версии, а потом приходи ко мне. Покажу, что предлагаю на самом деле.

Она встала, поправила цепочки, и в этом движении мелькнула странная деталь: на внутренней стороне её запястья была татуировка. Тот самый круг, разделённый на три части, но в центре круга была не пустота, а маленькая, чётко прописанная руна, похожая на трезубец.

— До скорой встречи, сосед, — она вышла, не попрощав-

шись с Кирюшей. Дверь закрылась.

— Сука, — тихо выругался Кирюша, когда убедился, что Эльвира уже далеко. — Красивая наглая крашеная сука.

Я повернулся к чернокнижнику.

— Вы не ладите? Она как-то связана с семнадцатым этажом?

Кирюша поглядел на закрытую дверь, и лицо его стало напряжённым.

— Она ни с кем не связана. Думает, что может контролировать всё и каждого. — Он говорил медленно, подбирая слова. — Она городская колдунья, привыкла управлять энергиями города. Для неё семнадцатый этаж — просто источник энергии. Она не понимает, или не хочет понимать, что источник — живой. И он не терпит, когда им пытаются управлять.

— Что будет, если соглашусь на её сделку?

Кирюша посмотрел на меня. В его усталых и тёмных глазах промелькнуло то, чего я не замечал раньше — страх.

— Видел как она села? Юбка до трусов задралась. Она проведет с тобой… ну, скажем так, особый древний обряд. И ты станешь к ней привязан. Будешь следующим колдуном-дилетантом, — пожал плечами он. — А мне придётся разбираться с тобой потом.

Мы помолчали. В тишине снова послышался тот далёкий шум прибоя — дыхание семнадцатого этажа. Оно стало громче.

— Вечером собираемся у Бабы Сани, — сообщил Кирюша, возвращаясь к столу. — Будем дальше решать, что делать.

— А что участковый скажет?

— Берёзкин? — Кирюша усмехнулся. — Да пошёл он… Берёзкин сделает вид, что ничего не знает, и будет ждать, когда мы всё сами решим. Такова его роль. Он — наблюдатель. Если справимся — напишет рапорт и получит премию. Если нет — вызовет группу и спишет всё на техногенную катастрофу.

— Оптимистично.

— Добро пожаловать в нашу реальность, сосед. — Кирюша налил себе чаю, добавил из маленькой баночки чего-то тёмного, размешал. — Здесь нет героев и злодеев. Есть люди, которые пытаются выжить в доме, который построили на костях. И каждый выбирает свой метод.

Я посмотрел на часы. До ночи оставалось много времени, и я не знал, чем его занять.

— Можно у тебя посижу? — попросил я. — Не хочется возвращаться в свою квартиру. Тат то какие-то туфельки появляются, то исчезают, то кто-то ходит, когда меня нет.

Кирюша кивнул.

— Сиди, конечно. Всё равно нужно разобрать записи Селиванова. Может, вместе что-нибудь найдём.

Я сел напротив, глядя, как чернокнижник раскладывает на столе пожелтевшие листы, исписанные мелким, почти

чертёжным почерком. На полях — схемы, стрелки, пометки красным. В центре стола — копия той самой карты 1912 года, и на ней — красный круг, обведённый вокруг креста.

— Семнадцатое октября 1912 года, — прочитал вслух я. — Что случилось в этот день?

Кирюша поднял на меня глаза.

— В этот день на месте будущего дома похоронили женщину. Без имени, без отпевания, без креста. Только цифры на деревянной табличке — число «17». — Он помолчал. — Говорят, она была ведьмой. Настоящей. И перед смертью прокляла это место. Обещала, что вернётся и заберёт тех, кто здесь поселится.

Я перевёл взгляд на карту. Красный круг казался пульсирующим в свете кухонной лампы.

— И что, она действительно вернулась?

— Не знаю, — ответил Кирюша. — Но когда колдун-самоучка открыл канал, нашли табличку. Деревянную, с двумя цифрами. Ту самую.

— И где она сейчас?

— У Бабы Сани. Она хранит её как… напоминание.

Я хотел спросить ещё, но за стеной, в моей квартире — в сто девятой — что-то громко стукнуло. Раз, другой, третий. Словно кто-то бил кулаком в стену с той стороны, где, по словам Сан Ваныча, находился канал.

Мы с Кирюшей переглянулись.

— Они знают, что ты здесь, — заметил он тихо. — И хо-

тят, чтобы ты вернулся.

Стук повторился. Теперь он звучал ритмично, настойчиво. Как стук в дверь.

Я встал.

— Не ходи туда, — велел Кирюша.

— Мне надо домой.

— Не сейчас.

Стук прекратился так же внезапно, как начался. Наступила тишина — неестественная, ватная, в которой даже привычный гул лифта казался приглушённым.

А потом послышался голос. Он шёл не из моей квартиры, а откуда-то из самого перекрытия между этажами. Голос показался женским, низким, похожим на голос Тёти Эли, и в нём звучала металлическая нотка:

— Иди к себе, писатель. Не бойся. Нам только поговорить.

Кирюша схватил меня за руку. Его пальцы были холодными и сильными.

— Не слушай, — приказал он. — Это не она. Это они. Они умеют подделывать голоса.

— А если действительно она?

— Тётя Эля не стала бы так делать. Она умнее.

Голос повторил, теперь ближе, словно говорящий стоял за стеной:

— Иди. Открой дверь. Мы не сделаем тебе плохо.

Я посмотрел на Кирюшу. Его лицо оставалось бледным, но решительным.

— Ладно, с тобой пойду, — решил он. — Только возьму кое-что.

Он быстро вышел из кухни, вернулся через минуту с лестницей-стремянкой. Та самая, с рунами. В его руках она выглядела лёгкой, почти невесомой.

— Это не просто лестница, — пояснил он, видя мой взгляд. — Это своего рода ключ. Если попытаются открыть канал, смогу его заблокировать. Временно.

Мы вышли в общий холл. Перед моей дверью на полу лежал конверт. Белый, плотный, без марок и обратного адреса. На нём было написано от руки: «Медиатору».

Я наклонился, чтобы поднять, но Кирюша меня перехватил.

— Стоп! Не руками. — Он достал из кармана жилета маленький пинцет, поддел конверт, приподнял. — В таких вещах часто бывают сюрпризы.

Конверт оказался лёгким, почти невесомым. Кирюша поднёс его к свету, посмотрел на просвет.

— Бумага. Обычная. — Он осторожно открыл его пинцетом. Внутри оказался листок, вырванный из тетради в клетку, сложенный вчетверо. — Вроде бы всё чисто.

Я взял листок и развернул.

Там было всего три строки, написанные детским почерком, с круглыми буквами и нажимом, который прорывал бумагу:

«Дядя писатель, мы знаем, что вы боитесь. Но бояться не

надо. Мы просто хотим, чтобы вы нас вспомнили. Мы же ваши соседи. Самые ближние. Мы под вами. Всегда под вами. Приходите в гости. Мы вас ждём».

Внизу, вместо подписи, стояло число «17» в кружочке.

Я перевернул листок. На обратной стороне, едва заметным карандашом, оказалось ещё одно слово, которое разглядел не сразу:

«Пожалуйста».

Я посмотрел на Кирюшу. Он прочитал записку через моё плечо и молчал.

— Они просят «пожалуйста», — отметил я. — Это… странно.

— Это самое страшное, — ответил он. — Когда начинают просить, а не требовать. Потому что в просьбе труднее отказать.

Я сложил листок, сунул в карман джинсов. Рука дрожала, но мой голос зазвучал ровно:

— Что теперь?

— Теперь ждём вечера. Встреча у Бабы Сани. Там решим.

— А до вечера?

— До вечера сидишь у меня. Или у Сан Ваныча. Но не у себя и не один.

Я кивнул. Мы вернулись в квартиру Кирюши, и он запер дверь на три замка, при этом что-то шептал. Не то ругался, не то произносил защитные заклинания. Я сел на кухне, и стал разглядывать карту 1912 года. Красный круг вокруг креста.

Семнадцатое октября. Женщина без имени. Цифра на табличке. Проклятие.

Я достал телефон, набрал сообщение участковому Берёзкину:

«Сижу у Кирюши. Получил записку от них. Просят прийти в гости. Что делать?»

Ответ пришёл через минуту:

«Ничего не предпринимайте. В 18:00 буду у вас. До этого не выходите из квартиры Кирилла. И не открывайте дверь никому, даже если будете слышать мой голос».

Я убрал телефон. За стеной, в моей квартире, снова что-то стукнуло — один раз, глухо, и затихло. Даже о существовании этого дома не знал. А теперь сижу в квартире чернокнижника, жду ответа участкового, который курирует магов, и готовлюсь к вечерней встрече с ведьмой, у которой хранится табличка с могилы.

Но самое странное — я почти не боялся. Просто почувствовал, как где-то глубоко внутри, под рёбрами, загорается медленное, ровное тепло. Не страх. Любопытство. Мне было очень интересно. Я же писатель. Всегда хотел узнать про то, что скрывается за обыденностью. Теперь у меня появился шанс. Осталось только не погибнуть от этого знания.

Глава 5. Запах

Вечер наступил быстрее, чем ожидалось. Мы с Кирюшей провели несколько часов за разбором записей Селиванова, но почти ничего не запомнилось — слова расплывались, даты смешивались, а перед глазами всё стояла детская записка с круглыми буквами. «Пожалуйста».

Около пяти Кирюша отложил бумаги и посмотрел на меня с той усталой внимательностью, которая, кажется, стала его постоянным состоянием.

— Ты как? — поинтересовался он.

— Не знаю. — Я поставил пустую кружку, которую крутил в руках уже полчаса. — Если честно, всё ещё надеюсь, что проснусь. Или что это какой-то затянувшийся кошмар на фоне переезда и недосыпа.

— Не надейся, — раздался голос из прихожей. Я вздрогнул — дверь открылась незаметно и без звонка, а на пороге стоял Сан Ваныч. В руках он держал тот самый прибор, похожий на теодолит, а на плече висела холщовая сумка, из которой торчали какие-то железные прутья. — Сны не пахнут, — добавил он, проходя на кухню. — А у нас, между прочим, запах уже ощутимый.

— Какой запах? — не понял я.

— Семнадцатого, — ответил ведун, ставя прибор на стол. — А идёт он из твоей квартиры. Я проверял границы по-

сле обеда — трещина расширилась. Канал больше не закрыт. Они могут посылать голоса, записки, видения. Сами появляться могут. И если не остановим процесс, через несколько дней они смогут выходить всей толпой.

— Выходить? Как?

— Физически. — Сан Ваныч посмотрел на меня в упор. — В коридор. На этаж. В твою квартиру. А оттуда — на лифте вниз, в город. Ты хочешь, чтобы по нашей улице гуляли дети с черными глазами, которые будут просить соседей «вспомнить» о них?

Я представил эту картину — и стало нехорошо.

— Что надо сделать?

— Для начала — всем вместе собраться. — Он вынул из сумки маленький глиняный горшочек, поставил его на стол рядом с прибором. — Баба Саня уже ждёт. Танюшу уже привёли, она сидит у неё. Эля тоже наверное придёт, хотя её и не звали. — Он поморщился. — Сама напросилась. Говорит, что без неё «решение будет неполным».

— А участковый? — спросил Кирюша.

— Берёзкин на лестнице страховать будет. Ему нельзя присутствовать на собрании — регламент, — но если что — сразу поднимется. — Сан Ваныч повернулся ко мне. — Ты главное — спокойно держись. Что бы ни услышал, что бы ни увидел. Медиатор должен сохранять нейтральность. Если начнёшь паниковать или, наоборот, слишком сильно захочешь кому-то помочь и поверить — потеряешь равнове-

сие. И это… не спорь и делай всё, о чём попросим.

— Постараюсь, — промямлил я, хотя последнее указание мне не очень понравилось.

— Постарайся не просто стараться, а сделать. — Он сунул мне в руку тот самый камень из банки — серый, с потухшими прожилками. — Возьми. Если увидишь, что теряешь себя — сожми покрепче. Он поможет вернуться.

Мы вышли в коридор. Дверь квартиры Бабы Сани была открыта настежь, и изнутри тянуло тем самым сладковатым, пряным запахом, который я ухватил утром. Только теперь он стал гуще, и в нём угадывались нотки ладана и чего-то ещё, неуловимого, похожего на запах старых фотографий.

— Заходите, — раздался из глубины голос Бабы Сани. — Ждём только вас.

Я перешагнул порог и оказался в пространстве, которое никак не соответствовало стандартной планировке. Квартира, судя по плану здания, была такой же, как моя — две комнаты, кухня, санузел. Но внутри она показалась огромной, словно стены раздвинулись, уступая место чему-то большему. Вместо коридора — длинный проход, стены которого были сплошь покрыты старыми зеркалами в потускневших рамах. В зеркалах отражались мы — я, Кирюша, Сан Ваныч — и ещё десятки отражений, которых не хватало в реальности. Они стояли в глубине, размытые, с неразличимыми лицами, и, казалось, смотрели на нас.

— Не смотри, — шепнул Кирюша. — Это её хранилище.

Там прошлое.

Я перевёл взгляд прямо перед собой и пошёл за Сан Ванычем, стараясь не коситься по сторонам.

Проход закончился большой гостиной. Сейчас она была превращена в нечто среднее между столовой и церемониальным залом. Посередине стоял круглый стол, накрытый чёрной скатертью, на которой были разложены предметы: ключи, старые монеты, высушенные цветы, несколько запечатанных бутылок с тёмной жидкостью. В центре стола — посеревшая деревянная табличка с выжженным числом «17». Та самая табличка.

За столом сидела Баба Саня на почётном месте, спиной к окну. Рядом с ней, сжавшись в комок, Танюша. Девушка с пепельными волосами выглядела ещё бледнее, чем при нашей первой встрече, под глазами залегли тени, а руки она держала на коленях, плотно сцепив пальцы. Напротив них, с видом хозяйки, которая пришла на разборки, расположилась Тётя Эля. Она успела переодеться: вместо комбинезона — длинная чёрное платье с глубоким вырезом, на шее всё те же цепочки, а на запястье — открытая татуировка с руной.

Свободных стульев оставалось три. Сан Ваныч сел на один, указав мне на второй — между Танюшей и другим пустым стулом, который, как я понял, остался для Кирюши. Чернокнижник, однако, не садился. Он отошёл к двери, прислонился к косяку и скрестил руки на груди. Лестницу-стремянку, которую Кирюша принёс с собой, он прислонил ря-

дом.

— Ну что ж, — решила Баба Саня, когда мы расположились. — Начнём. Собрались мы здесь, потому что дальше тянуть уже нельзя. Семнадцатый активизируется. Канал в сто девятой квартире почти открыт. Медиатор, — она кивнула в мою сторону, — уже получил послание. — Она вытянула руку. — Покажи.

Я достал из кармана сложенный листок, протянул ей. Баба Саня развернула, прочитала, не меняясь в лице, затем передала Танюше. Та прочитала, и её руки задрожали сильнее.

— «Пожалуйста», — прошептала она. — Они никогда раньше не говорили «пожалуйста».

— Потому что раньше у них не имелось такого удобного медиатора, — пояснила Тётя Эля. Её голос звучал спокойно, даже лениво, но в нём замечалось напряжение. — Мальчик открытый, чувствительный, без всякой защиты. Идеальный проводник. Они хотят использовать его, чтобы выйти. Мы должны защитить его и применить для закрытия двери.

— Если успеем, — резко оборвал Сан Ваныч. — Я слышал твоё предложение, Эльвира. Трансформация энергии под тебя.

— А что такого? — Она подалась вперёд, и в свете настольной лампы её глаза блеснули. — Ты, Александр Иванович, много лет держишь это место. Сколько ещё продержишься? Сам знаешь, что силы уже не те. Кирюша — молодец, но он потратил себя на того колдуна, и до сих пор не

восстановился. Баба Саня — защитница, не боец. А Танюша, — она бросила быстрый взгляд на девушку, — Танюша молода и вообще не готова. И бабка её, вместо того чтобы помочь, только давит. У нас уже нет ресурса, чтобы вечно держать закрытым то, что само рвётся наружу.

— А у тебя ресурс есть? — Кирюша слегка отлип от стены.

— У меня есть план, — ответила Эльвира. — И есть связи. В городе имеются люди, которые умеют работать с тенями и такими вот аномалиями. Не запечатывать, а использовать. Семнадцатый этаж — это не угроза, а возможность. Энергия, которая копилась десятилетиями, может питать дом, защищать его. Мы можем сделать так, что этот дом станет самым безопасным местом во всём районе. Ни одна тёмная сила не подойдёт.

— Кроме той, что будет жить у нас под ногами, — пробурчал Сан Ваныч.

— Под контролем, — поправила Эльвира.

— Никто не проконтролирует то, что там, — голос Бабы Сани прозвучал тихо, но в нём была такая сила, что все замолчали. — Я была здесь десять лет назад. Дома и в помине не было, а место было. Я видела, что вышло тогда. Это были не дети с черными глазами. Это были те, кто стоял за ними. И если полагаете, что сможете заключить с ними сделку — вы глупее, чем я полагала.

Она взяла со стола табличку с числом 17, повертела в руках.

— Это прицепили на могилу той женщины. Той, которую похоронили без имени. Она была ведьмой, да. Но не простой. Она хранила это место. Она осталась здесь, потому что её не выпустили, а теперь хочет, чтобы о ней вспомнили. Не использовали, не переделали, а именно вспомнили. По-настоящему.

— А что значит — по-настоящему? — спросил я.

Все повернулись в мою сторону. Впервые за вечер я подал голос и обратил на себя внимание всех пятерых. Внимание давило тяжестью, почти физической.

— Это значит, — пояснила Баба Саня, — что кто-то должен спуститься на семнадцатый этаж. Не для того, чтобы закрыть или открыть. А для того, чтобы принять то, что там есть. Увидеть. Назвать по имени. И тогда, возможно, она успокоится.

— Ты предлагаешь спуститься ему? — Голос Кирюши прозвучал резко, почти зло. — После того, что сама говорила? Ты видела, что там!

— Предлагаю, — Баба Саня подняла руку, призывая к тишине, — чтобы медиатор сделал то, для чего он здесь. Не я его выбрала. Не Сан Ваныч. Не Эльвира. Его выбрали они. Он получил эту квартиру, он спустился на семнадцатый, он получил послание. Он — проводник. Если дадим ему защиту и знание — он сможет завершить то, что началось много лет назад.

— А если не смогу? — забеспокоился я.

Баба Саня посмотрела на меня. В её глазах, тёмных и блестящих, я увидел нечто, похожее на уважение.

— Если не сможешь — будем держать оборону, пока не придёт подкрепление. Но уже без тебя. Берёзкин вызовет группу, они зальют этаж спецсоставом, и семнадцатый будет закрыт на ближайшие годы. А потом всё повторится. С другим медиатором. В другой раз.

— А если соглашусь?

— Тогда будет шанс решить всё раз и навсегда. — Она положила табличку на стол. — Но это опасно. Можешь не вернуться. Или вернуться, но уже не собой.

Тишина в комнате стала такой плотной, что я слышал, как в зеркалах в коридоре что-то шевелится — далёкие отражения, которые, казалось, придвинулись ближе.

— Можно подумать? — я остался сидеть.

— У нас нет времени, — произнесла Тётя Эля. — Каждую ночь канал расширяется. Завтра они уже могут выйти. Послезавтра — точно.

— Тогда дайте время до утра.

Соседи переглянулись. Сан Ваныч кивнул первым.

— До утра можно. Но ночевать будешь не у себя. И не один.

— У меня, — кивнул Кирюша. — Всё равно не сплю.

— А я снаружи побуду, — добавил Сан Ваныч. — Проверю границы ещё раз. Если что — Берёзкин на связи.

Тётя Эля поднялась, одёрнула юбку.

— Подумай, медиатор, — предложила она, глядя на меня сверху вниз. — Но помни: мой вариант — не самый страшный. Закрыться от силы, которая уже здесь, — это всё равно, что запереться в комнате, когда дом горит. Можно и сгореть. А можно выйти и потушить пожар. — Она повернулась к Бабе Сане. — Я вам не враг. Просто хочу, чтобы все мы выжили.

— Своими методами, — ответила Баба Саня.

— Любыми методами. — Эльвира вышла, и в коридоре зеркала проводили её множеством отражений, каждое из которых двигалось чуть быстрее оригинала.

Когда она ушла, напряжение в комнате спало, но не до конца. Танюша, молчавшая всё это время, вдруг подняла голову и посмотрела на меня.

— Не слушайте её, — велела она тихо. — Она не понимает. Думает, что со всем можно договориться и расплатиться. Но с ними нельзя. Они… — она запнулась, — они другие. Они не злые и не добрые. Они просто хотят выйти. И им всё равно, что будет с нами.

— Ты знаешь, о чём говоришь? — спросил я.

Она кивнула, и в её зелёных глазах мелькнуло что-то, чего я не заметил раньше — боль.

— Я тоже спускалась туда. Бабушка заставила. Говорила, что если не пойду, они придут за мной сами. — Танюша сжала руки так, что побелели костяшки. — Я была там недолго. Может, минуту. Но я видела её.

— Кого?

— Женщину. Ту, без имени. Она стояла в конце коридора, там, где должна быть стена, но стены не было. Она так и говорила: «Ты не та. Ты не помнишь. Приведи того, кто помнит».

— А что я должен помнить? — впрочем, я уже знал ответ. — Я вообще ничего не знаю. Вообще не уверен, что я тот, кто вам нужен.

— Там будет видно. — Танюша опустила голову. — Но она ждала тебя.

Я посмотрел на табличку с числом «17», лежащую на чёрной скатерти. Дерево выглядело тёмным, старым, но цифры — выжженные, чёткие — казались почти новыми.

— Постараюсь подготовиться, — решил я. — С утра.

Баба Саня кивнула, и в этом кивке было что-то похожее на благословение.

— Тогда иди и выспись. Завтра начнём всерьёз.

Мы с Кирюшей вышли. В коридоре зеркала снова отразили нас, и я заметил, что среди множества отражений одно — моё собственное — смотрит не на меня, а куда-то в сторону, в глубину зеркала, где стояла размытая фигура в длинной одежде. Я отвернулся и ускорил шаг.

В квартире Кирюши было тихо. Чернокнижник приготовил мне постель на диване в кабинете, сам сел за стол с раскрытой книгой. Я лёг, но не спал — смотрел в потолок, слушая, как в стенах гудят трубы, как где-то далеко сигналит

машина, как внизу, на семнадцатом этаже, кто-то поёт. Теперь я узнал мелодию — старую, тягучую, похожую на колыбельную.

— Кирилл, — позвал я.

— Чего?

— Ты говорил, что колдун-самоучка начал открывать канал. Что он хотел?

— Как и все они, силу хотел. Думал, что сможет её контролировать. — Кирюша не отрывался от книги. — Маленько ошибался.

— А что с ним стало?

Пауза затянулась. Я уже подумал, что он не ответит, но он закрыл книгу и повернулся ко мне.

— Он спустился на семнадцатый. И остался там. Теперь он один из них. — Кирюша помолчал. — Иногда вижу его. Он стоит у лифта и улыбается. Но глаза уже не его. Черные и пустые.

Я перевернулся на бок, глядя в стену. За ней была моя квартира, а за стеной моей квартиры — канал, ведущий вниз. Кирилл намекал, что это якобы Эля соблазнила самоучку. Иначе непонятно, как самоучка узнал о двери на том этаже?

— А ты, — спросил я, — почему здесь ты? Почему не ушёл, когда понял, что это опасно?

Кирюша усмехнулся, но усмешка вышла грустной.

— Потому что кто-то же должен. И потому что я уже отдал

этому слишком много, чтобы отступить. — Он помолчал. — Спи, сосед. Завтра будет тяжелый день.

Я закрыл глаза. Колыбельная из-под пола становилась всё тише, пока не превратилась в едва слышный шёпот. И в этом шёпоте мне почудились слова: «Приходи. Мы ждём. Мы поможем вспомнить».

Я сжал в кармане камень, который дал Сан Ваныч, и представил перед собой дверь. Закрытую. На замок. И, кажется, впервые за эту неделю я увидел сон, который нельзя считать пустым. Мне снилась женщина в длинном тёмном платье, которая стояла на пустыре под дождём. Она смотрела на строящийся дом и плакала. А потом повернулась ко мне и произнесла: «Наконец-то. Я так долго ждала».

Я хотел спросить её имя, но проснулся.

За окном давно уже стемнело. Кирюша сидел за столом, положив голову на раскрытую книгу и, кажется, спал. Я тихо поднялся, подошёл к окну. Внизу, на детской площадке, снова горел фонарь. Качели раскачивались, и на них сидел мальчик. Тот самый. Он смотрел вверх, на моё окно, и улыбался.

Я не стал его разглядывать. Отошёл, лёг обратно и закрыл глаза до утра.

Глава 6. Семнадцатый этаж

А утром, когда Кирюша заворочался за столом и поднял голову, я спросил:

— Я готов. Когда спускаться?

Кирюша долго на меня смотрел, а потом молча встал, прошёл на кухню и поставил чайник. Я сидел на диване и слушал, как за стеной моей квартиры иногда что-то глухо стучит. Ритмично, настойчиво, будто кто-то ходил из угла в угол нечеловеческими ногами.

— Уверен? — Кирюша даже не обернулся.

— Нет. Но иного выхода не вижу.

— Есть другой. Можешь собрать вещички и уехать. Берёзкин всё оформит. Скажет, что в доме проблемы с трубами или с перекрытиями. Из вентиляции воняет. Никто не удивится.

— А что будет с вами?

— Продержимся. Как-нибудь.

Я посмотрел на его спину, обтянутую чёрным жилетом, на хвост русых волос, который сегодня он завязал ниже обычного, и понял, что врет. Не продержатся они. Или продержатся, но такой ценой, которую никто из не заслужил.

— Я так не могу. Я остаюсь, — решил я. — Не из героизма. Просто… — я запнулся, подбирая слова, — просто мне кажется, что эта женщина, та, что на семнадцатом, действи-

тельно чего-то ждёт. Не силы, не открытой двери. А того, чтобы её увидели. Я писатель. Это моя работа — видеть и рассказывать. А у вас интересно тут.

Мотивация слабенькая. Но не мог же я сказать, что просто хотел повыпендриваться перед симпатичной девушкой с льняными волосами?

Кирюша повернулся.

— Тогда быстро завтракаем и к Бабе Сане, — в его глазах, обычно усталых и отстранённых, сейчас сквозило что-то живое, может быть, надежда. — Без неё и Сан Ваныча ты всё равно не спустишься. Они последнюю защиту должны тебе дать.

Завтрак прошёл в полном молчании. Я машинально жевал бутерброды, которые Кирюша положил передо мной, и смотрел в окно. Двор просыпался: женщины с детьми, мужчины с важными лицами, курьеры в ярких куртках. Обычный день в обычном жилом комплексе. Никто из них не знал, что на двадцатом этаже какой-то писатель готовится спуститься на семнадцатый, где ждёт женщина, похороненная без имени сто лет назад.

Часов в девять утра мы вышли на лестничную площадку. Дверь моей квартиры была по-прежнему закрыта, но я заметил, что замочная скважина светится — тусклым, зеленоватым светом, как экран старинного монитора.

— Не смотри туда, — приказал Кирюша, увлекая меня за локоть. — Это они проверяют, дома ли ты.

— А если бы я оказался там?

— Не знаю. Наверное, пытались бы начать разговор. Или вошли бы без разговора.

Мы постучали к Бабе Сане. Дверь открылась сразу, будто нас ждали. В коридоре зеркала были занавешены чёрной тканью, но не стал спрашивать, зачем. Баба Саня встретила нас в прихожей, одетая в длинное тёмное платье, какие носят сельские учительницы на пенсии, и с платком на голове.

— Проходите, — пригласила она. — Сан Ваныч здесь уже.

В большой комнате, где вчера стоял круглый стол, сейчас всё изменилось. Стол убрали, центр освободили. На полу начертили сложную фигуру — не круг, а многоугольник с множеством пересекающихся линий, в центре которого лежал камень, похожий на тот, что Сан Ваныч давал мне вчера. Сам ведун сидел в углу на низкой табуретке, перебирая узкие стальные кинжалы. Танюша стояла у окна, повернувшись к стеклу, и я видел, как её плечи мелко дрожат.

— Раздевайся, — приказала Баба Саня без предисловий.

— Что? — не понял я.

— Всё снимай. Совсем всё. Защиту на тело наносят. Или думал, я символы на твоих джинсах рисовать буду?

Я ничего такого не думал, поэтому стянул футболку, джинсы и всё оставшееся, чувствуя себя крайне неловко под взглядами пяти человек. Танюша с интересом разглядывала меня. Баба Саня подошла ближе, в руках у неё была маленькая ступка, из которой пахло полынью и ещё чем-то едким.

— Руки в стороны разведи и стой смирно, — приказала она и начала водить пальцем по моему телу, оставляя влажные темные следы. — Это временная защита. Не даст потеряться, но и от всего не убережёт. Ты должен помнить: что бы ни увидел, что бы ни услышал, ты — это ты. Ты пришёл туда, чтобы смотреть и слушать. Не пытайся ничего изменить, не пытайся ничего закрыть или открыть. Твоя задача — быть проводником. Она заговорит с тобой — ты слушай. Она спросит — отвечай правду. Никакой лжи. Они всегда замечают враньё.

Как оказалось, Баба Саня рисовала руны не только на заднице, но и на причинном месте. Рисунок на коже жёг, но терпимо. Я опустил глаза и увидел, что она выводит на мне те самые рунические знаки, которые были на лестнице Кирюши — угловатые, с резкими переходами.

— Это древние письмена, — пояснил Сан Ваныч из угла. — Язык, на котором говорили до того, как появились церкви, кресты и попы. Та, на семнадцатом, понимает его. Это будет знаком, что ты пришёл с миром.

— А если бы пришёл с войной?

— Тогда рисовали бы другие знаки, — ответил ведун спокойно. — Но войны не выиграть. Её уже хоронили без чести, изгоняли, запечатывали. Она всё равно вернулась. С ней можно только говорить.

Баба Саня закончила рисунок, отступила на шаг и оглядела меня со всех сторон.

— Хорошо, — одобрила она. — Теперь одевайся. И это возьми.

Она протянула мне деревянную табличку. Ту самую, с могилы.

— Зачем?

— Она знает эту вещь. Когда войдёшь, покажешь. Будет подтверждением, что пришёл не случайно.

Я взял табличку. Дерево показалось тёплым, гладким от времени, и на нём, кроме цифр, я теперь разглядел едва заметные царапины от букв, которые стёрло время.

— Теперь, — продолжила Баба Саня, поворачиваясь к Кирюше, — проводи его до лестницы. Дальше он пойдёт один. Это важно.

— Один? — удивился я.

— Если кто-то из нас пойдёт с тобой, она может воспринять это как угрозу. Или как недоверие. Ты медиатор, ты проводник. Проводники идут первыми. — Она посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на материнскую заботу. — Ты справишься. Ты для этого здесь.

Я надел футболку. Рисунок на груди жёг, но под тканью это показалось почти приятно. Камень Сан Ваныча я переложил в правый карман джинсов, табличку — в левый.

— Я готов.

Внезапно меня остановила Танюша. Она подошла так тихо, что я не заметил. Вдруг девушка оказалась рядом, глядя своими зелёными, испуганными глазами.

— Будьте осторожны, — прошептала она. — Там… там не все одинаковые. Некоторые из них… они не хотят, чтобы вы помогли. Они хотят, чтобы вы остались.

— Кто?

— Те, кто забыли, что они мёртвые. Не верьте им, если они скажут, что хотят мира. Они хотят подобия жизни. А для этого им нужно, чтобы кто-то отдал свою.

— Благодарю, — выразил признательность я. — Запомню.

Она кивнула и отступила, снова прижимаясь к окну.

Мы с Кирюшей вышли в коридор. Общий холл пустовал, но я знал, что за дверьми соседей — сто десятой, сто двенадцатой, сто тринадцатой — кто-то стоял и слушал. Тётя Эля, наверное, тоже обреталась где-то здесь, хотя и не показывалась.

— До лестницы, — пояснил Кирюша, открывая дверь. — Дальше сам.

Я шагнул на площадку. Здесь пахло бетоном, пылью и — снизу, из пролёта — той влажной землёй, которую уже знал.

— Кирилл, — обернулся я. — Если я не вернусь… что делать?

— Спущусь за тобой, — ответил он без колебаний. — И приведу обратно. Живым или… — он запнулся, — но лучше живым.

— Договорились.

Я начал спускаться. Первые три пролёта — девятнадца-

тый этаж, восемнадцатый — были обычными. Пахло краской, слышались голоса из квартир, на площадке восемнадцатого стоял велосипед и детский самокат. Обычный жилой дом.

А потом я повернул на пролёт к семнадцатому — и мир изменился.

Свет стал серым, хотя из окна светило солнце. Звуки исчезли — не стало ни голосов, ни звуков лифта, ни машин за окнами. Только тишина, такая плотная, что она давила на уши. И запах — теперь не просто влажной земли, а сырой могильной глубины, смешанный с чем-то сладковатым, почти приторным.

Интересно, как тут другие люди ходят? Ничего не замечают, наверно.

Я остановился перед площадкой семнадцатого этажа. Всё выглядело так же, как на других этажах, но двери лифта покрывал иней.

Холл семнадцатого этажа пустовал. Выложенный той же плиткой, что и везде в доме, с теми же дверьми по сторонам — три и три, с номерами от 97 до 102. Но здесь царил полумрак. Источником освещения служили сами стены — они светились тусклым, зеленоватым светом, похожим на тот, что я видел в замочной скважине своей двери.

Никого не было. Только я, мои шаги, которые не отдавались эхом. И тишина. В ней мне стало чудиться чьё-то дыхание.

Я пошёл вперёд, держась середины коридора. Двери по сторонам были закрыты, но из-под каждой пробивался тот же зеленоватый свет. На одной — сто второй — я заметил прилепленный скотчем детский рисунок: домик, солнце и дерево. И маленький человечек с подписью: «Я нынѣ здѣсь».

Я остановился перед этой дверью. Рисунок казался детским, но подпись выглядела как взрослая, которую мог сделать только тот, кто очень давно не писал.

— Ты пришёл, — раздался голос у меня за спиной.

Я резко обернулся. Там у лифтов, стояла женщина. Не та, что снилась. Другая. Молодая, в джинсах и свитере, с короткой стрижкой. Она выглядела как обычная жительница новостройки — если бы не светилась таким же зелёным светом, как стены.

— Ты кто? — спросил я.

— Я жила в этом месте, — произнесла она. — До того, как… — она махнула рукой куда-то в сторону, — всё это случилось.

— Ты из тех, кто спустился?

— Из тех, кто не смог подняться. — Она улыбнулась, но улыбка была грустной. — Ты пришёл к ней? К Старухе?

— К женщине без имени.

— Она самая. — Женщина сделала шаг ко мне. — Она ждала. Десятки лет ждала. А до этого — сто лет. Ты не бойся, она не злая. Она просто… очень устала.

— Где она?

— В конце. — Женщина кивнула на поворот. — Иди прямо. Не смотри по сторонам, что бы ни увидел. И не разговаривай с теми, кто будет звать. Особенно с детьми.

— Почему?

— Потому что они не понимают. Думают, что если ты им ответишь, то останешься. А тебе нельзя оставаться. Ты должен вернуться и рассказать.

Она отступила, растворяясь в зеленоватом свете, и я остался один. Пошёл дальше, стараясь не смотреть на двери. Но за одной из них — кажется, сто первой — я услышал детский смех. А за сто второй — плач. Я сжал в кармане камень и ускорил шаг.

Поворот вывел меня назад к лифтам. Здесь стало просторнее, но и страшнее. Вдоль стен, на корточках, уже сидели люди. Много людей. Те самые, которых видел в прошлый раз. Они водили пальцами по стыкам плиток, выискивая что-то, и шептали. Разобрал несколько слов: «открой», «выйти», «помни».

Среди них выделялся тот самый мальчик. Он сидел ближе всех к лифту и, когда я появился, поднял голову. Глаза его были всё так же черны, без зрачков, но сейчас в них появилась не пустота, а ожидание.

— Дядя, — начал он. — Ты пришёл. Я знал.

— Я пришёл не к тебе, — ответил я, вспоминая наставление женщины.

— Я знаю. Ты к ней. — Он встал, отряхнул колени. —

Она там, — он кивнул на лифт. — В шахте. Там, где канал. Она ждёт.

— Почему вы не можете выйти?

— Потому что дверь закрыта. А открыть её мы не можем. Только тот, кто помнит.

— Что я должен помнить?

Мальчик склонил голову набок, и в его черных глазах мелькнуло что-то человеческое.

— Не знаю. Она говорила только, что когда придёт тот, кто помнит, она сможет уйти. А мы… мы тогда тоже сможем. Кто куда.

Я посмотрел на лифт. Кнопка вызова горела красным, и двери были чуть приоткрыты — ровно настолько, чтобы в щель можно было просунуть руку.

— Мне нужно войти. Можно? — попросил я.

— Входи, — мальчик отступил, и все сидящие на корточках тоже отодвинулись, освобождая проход. — Она ждёт.

Я подошёл к двери и потянул на себя — она поддалась легко, открываясь в темноту.

Внутри тянулся коридор, уходящий в черноту. Но из черноты шёл свет — тот же зеленоватый, мерцающий, и по стенам вились корни, живые корни, которые тянулись кверху, к свету. В глубине коридора была женщина. Та, из сна. В длинном тёмном платье, с распущенными седыми волосами, с закрытыми глазами. Она не касалась стен, не опиралась ни на что — просто парила, и корни обвивали её, как трон.

Я стоял на пороге, не решаясь войти. В руке я сжимал табличку с цифрами.

— Входи, — разрешила она, не открывая глаз. — Ждала тебя. Так долго.

— Кто вы? — я переступил порог.

Она открыла глаза. Они были тёмными, глубокими, и в них не было видно злобы — только усталость, такая же древняя, как этот дом, как эта земля.

— Я та, кого забыли, — ответила она. — Та, кто хранила это место, пока его не застроили. Та, кого похоронили без имени, без обряда, без памяти. А теперь я — то, что не даёт этому дому упасть. Но я устала, — её голос дрогнул, — я очень устала держать то, что должно лежать.

— Что я могу сделать?

— Вспомнить моё имя. Меня похоронили с номером, а не с именем. Но оно было. Я была. И если кто-то вспомнит меня по-настоящему — я смогу уйти. А это место сможет стать просто домом.

— Я не знаю имени, — признался я.

— Знаешь, — она протянула руку, и я увидел, что её пальцы прозрачны, сквозь них пробивался зелёный свет. — Оно в тебе. Ты писатель. Ты работаешь со словами. Слова — это память времени. Закрой глаза и вспомни.

Я повиновался. В темноте передо мной поплыли образы — не мои, чужие. Пустырь, старые деревья, часовня на окраине. Женщина в тёмном платье, которая стоит на коленях у

могилы. Плачет. Над ней склоняется священник, но не крестит её, а отворачивается. Кто-то кричит: «Ведьма!», кто-то бросает камень. А она только шепчет: «Имя моё… имя моё…»

— Не слышу, — я открыл глаза. — Слишком тихо.

— Потому что боишься, — ответила она. — Не бойся. Я не сделаю тебе плохо. Я хочу только одного — чтобы меня вспомнили. Чтобы кто-то назвал моё имя вслух, и тогда я смогу уйти.

Я смотрел на неё, на корни, обвивающие её тело, на зелёный свет, который пульсировал в такт её дыханию, и вдруг понял.

— Не вы прокляли это место. Вас прокляли. Похоронили здесь, без имени, чтобы вы не могли уйти. И вы остались потому, что уже некуда идти.

Она молчала, но её глаза наполнились слезами — прозрачными, светящимися.

— Вы держите этот дом, потому что боитесь, что если отпустите, то провалитесь ещё глубже. Туда, где ничего нет. Вы не проклятие. Вы — жертва.

— Назови моё имя, — прошептала она. — Пожалуйста.

Я снова закрыл глаза. В темноте передо мной откуда-то всплыло слово — не громкое, не отчётливое, а такое, какое бывает, когда пытаешься вспомнить сон. Я потянулся к нему, и оно раскрылось, как бутон.

— Агафья, — уверенно произнёс я. — Вас зовут Агафья.

Тишина. Я открыл глаза.

Женщина смотрела на меня, и её лицо преображалось — морщины разглаживались, глаза светлели, корни, обвивавшие её, начали опадать, как сухие листья.

— Да, — вспомнила она. — Да. Благодарю.

Зелёный свет вспыхнул ярко, на миг ослепив меня, а когда зрение вернулось, передо мной открылся пустой коридор. Обычный коридор в незаселённой квартире.

Я стоял внутри. Дверь была открыта, и за ней была площадка семнадцатого этажа, но теперь она выглядел обычной — серой, пустой, неосвещённой. Ни зелёного света, ни корней, ни людей на корточках. Только строительная пыль и запах побелки.

Я прошёл к лестнице. Остальные двери были закрыты, на них — обычные замки, без рисунков и надписей. На полу — следы строительного мусора. Всё как на любом нежилом этаже.

Всё складывалось как-то обыденно. Не хватало саспенса — почти никакой опасности, только слова ведунов на собрании. Я невольно задавался вопросом: почему так легко всё вышло? Начиналось так эпично, а получилось, что гора родила мышь. Или это какая-то проверка с их стороны?

У лестницы я остановился, прислушался. Тишина. Настоящая, пустая, без дыхания и шёпота.

Я начал подниматься. На восемнадцатом этаже снова появились звуки — голоса, музыка из квартир, шум лифта. На

девятнадцатом запахло жареной рыбой. У лестничного пролёта на двадцатый меня ждал Кирюша, сидящий на ступеньке с лестницей-стремянкой в руках.

— Ну и как? — он поглядел на меня снизу вверх.

— Кажется, получилось, — пробормотал я. — Я назвал её.

— Имя?

— Агафья. Её звали Агафья.

Кирюша помолчал, потом медленно улыбнулся — впервые за всё время я видел его таким.

— Пошли, — он поднялся со ступенек. — Расскажешь всем.

Мы поднялись на этаж. Двери всех квартир были открыты — сто девятая, сто десятая, сто одиннадцатая, сто двенадцатая, сто тринадцатая, сто четырнадцатая. На пороге стояли все: Сан Ваныч в своём фартуке, Баба Саня с платком на плечах, Танюша, прижимающая к груди банку с чистой водой, Тётя Эля в рабочем комбинезоне, и даже сильно пожилая женщина — бабушка Танюши — выглядывала из-за косяка.

— Ну, медиатор, — повелела Баба Саня, — рассказывай.

Я рассказал. Всё, как было: холл, люди на корточках, мальчик, женщина, корни, имя. Когда закончил, Танюша почему-то заплакала — тихо, не скрываясь.

Сан Ваныч подошёл ко мне, взял за руку, поднял футболку. Рисунок на груди исчез — не стёрся, а именно исчез, буд-

то его и не было.

— Защита сгорела, — отметил ведун. — Ты использовал её всю.

— Но помогло хоть? — заинтересовался я.

— Помогло, — кивнул он.

Тётя Эля вышла вперёд, посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты рисковал, — оценила она. — Имя могло быть не тем. Тогда бы ты остался там.

— Но оно оказалось правильным.

— Повезло.

— Это не везение, — возразила Баба Саня. — Он заметил опасность. Писатели чувствуют слова. Это их дар.

Эльвира пожала плечами, но в её глазах промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ладно, — махнула рукой она. — Сегодня ты победил. Но завтра проверю каналы сама. Если что-то осталось — буду по-своему разбираться.

— Не осталось, — ответил я.

— Проверим.

Она ушла в свою квартиру, хлопнув дверью. Баба Саня покачала головой, но без особого осуждения.

— Иди к себе, — велела она мне. — Отдыхай. Заслужил.

Я подошёл к своей двери. Замок больше не светился, скважина была обычной. Вставил ключ, повернул.

В квартире ничего не изменилось. Светило солнце, на

кухне капал кран, который я забыл закрыть, в спальне на подоконнике — ни туфельки, ни пятна.

Я прошёл в комнату, где стена граничила с другой квартирой. Приложил ухо. Ничего. Тишина. Обычная, бетонная, домашняя. Я сел на пол, прислонился к стене, и почувствовал, как уходит напряжение, которое держалось во мне все эти дни. Камень в кармане оставался холодным, тёмным, мёртвым, без единой искры.

Через час в дверь позвонили. Я открыл — на пороге стоял Берёзкин, без камеры, без планшета, просто в форменной рубашке с короткими рукавами.

— Можно? — спросил он.

— Заходите, конечно. Чаю, кофе?

— Чайку, если можно. — Он прошёл на кухню, сел за стол. Я поставил чайник. — Ну, поздравляю. Ты сделал то, что не удавалось никому.

— Я просто имя назвал.

— Это самое главное. — Он помолчал. — Твою квартиру оставят в покое. Можешь жить, сколько захочешь.

— А соседи?

— Останутся, никуда не денутся. Сан Ваныч будет наблюдать за состоянием дома. Кирюша — за архивом. Баба Саня — за традицией. Тётя Эля… Тётя Эля будет заниматься своим ремеслом. Но без семнадцатого этажа её амбиции не так опасны.

— А Танюша?

— Татьяна, надеюсь, избавится от бабкиного влияния. Она хорошая ведьма, грамотный психолог, ей только уверенности не хватает.

Я разлил чай. Мы сидели молча, глядя в окно. Во дворе дети играли в песочнице, качались на качелях. Обычные дети, с обычными глазами.

— Вадим Александрович, — спросил я, — а что теперь с семнадцатым этажом? Он просто пустой?

— Сейчас пустой. — Участковый отпил чай. — Коммуникации отключены, двери заперты. Завтра приедет бригада, проверит, нет ли протечек. Всё по-нормальному. Потом заселять будут.

— А Агафья? Она… ушла?

Берёзкин посмотрел на меня долгим взглядом.

— Не знаю, куда уходят такие, как она. Но на семнадцатом её больше нет. И детей нет. Тех, кто сидел на корточках. Все ушли.

— Туда, где нет ничего?

— Или туда, где есть всё. Не нам знать. Ты молодец, — он допил чай и вылез из-за стола. — Писатель, который нашёл имя. Это стоит того, чтобы записать.

— Может быть, — ответил я. — Когда-нибудь.

Он ушёл. Я остался один в своей квартире, в своём доме, на своём двадцатом этаже.

За стеной Кирюша включил тихую музыку. Танюша разговаривала с кем-то по телефону, и в её голосе слышались

требовательные нотки. Сан Ваныч возился у себя в мастерской, звякая банками. А Тётя Эля, судя по звукам, готовилась к отбытию на работу.

Я достал ноутбук, открыл новый документ и написал:

«Как-то раз я узнал от соседок, что нашему дому настала очередь на реновацию…»

И задумался. Как рассказать историю так, чтобы она стала правдой для тех, кто её прочитает? Чтобы имя Агафьи не забылось снова?

Я посмотрел в окно. Внизу, на детской площадке, качались качели. Мне вдруг показалось — или нет? — что на них мелькнула тень женщины в тёмном платье, которая улыбнулась мне и растворилась в солнечном свете.

Я улыбнулся в ответ, вернулся к компьютеру и продолжил писать дальше.

Глава 7. Алевтина Васильевна

Семнадцатый этаж стали заселять обычными жильцами. Никто ничего не замечал и не говорил. А мы, на двадцатом, зажили вполне спокойной жизнью, если не считать шума перфораторов и звуков многочисленных ремонтов. Народ активно осваивал новые квартиры. Соседи по этажу остались. Временами я сталкивался с кем-нибудь из них у лифов. Вежливо здоровался, ритуально спрашивал как дела и так же кратко отвечал на формальные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.